ПРИВЕТ

В ГРЯДУЩЕЕ

АУГУСТ АЛЛЕ

БЕТТИ АЛЬВЕР

ХУГО АНГЕРВАКС

АЛЕКСАНДЕР АНТСОН

ИОХАННЕС БАРБАРУС

ВЛАДИМИР БЭЭКМАН

ДЕБОРА ВААРАНДИ

МУЙЯ ВЭЭТАММ

ВЕЛЛИ ВЕРЕВ

ЭНН ВЕТЕМАА

ПАУЛЬ ВИЙДИНГ

ВАЛЕРИЯ ВИЛЛАНДИ

АЙРА КААЛЬ

АЙН КААЛЕП

ЮТА КАЙДЛА

КАЛЬЮ КАНГУР

ЯАН КАПЛИНСКИ

МАНИВАЛЬД КЕЗАМАА

ИЛЬМИ КОЛЛА

ФЕЛИКС КОТТА

ЯАН КРОСС

ЭРНИ КРУСТЕН

ОСКАР КРУУС

ЯАН КЯРНЕР

УНО ЛАХТ

ТЫНИС ЛЕХТМЕТС

ВИЙВИ ЛУЙК

КЕРСТИ МЕРИЛААС

ХЕЛЬГИ МУЛЛЕР

ПРИВЕТ В ГРЯДУЩЕЕ

1 XIV
A-24188

ПРИВЕТ В ГРЯДУЩЕЕ

СТИХИ ЭСТОНСКИХ ПОЭТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЭЭСТИ РААМАТ"
ТАЛЛИН 1967

Э
П75

Составитель *А. Ээльмяэ*

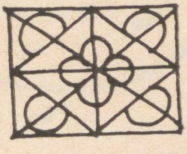
Оформление *Э. Тихеметс*

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
39635

БЛАГОДАРНОСТЬ

Зачем зовется буднем день, вдали встающий?
Ведь это чудо — каждый день грядущий.
Робея радостно, я красоту его встречаю.

1965



У обновленных поколений
в труде и в яростных боях
зарей победы будет Ленин,
бессмертный — в пламенных сердцах.

(Ф. КОТТА)

БЕССМЕРТИЕ

Здесь имя
Л е н и н
твердая рука
Врубила в мрамор вековой породы.
Еще прочней
оно войдет в века,
Его в сердцах
всегда хранят народы.
Вечна любовь к нему.
Она
Зари пленительной светлее.
Он встал над миром, пламенея,
И правдою его
земля озарена.

Москва. 21 января 1943 года

22 АПРЕЛЯ 1870 ГОДА

Весна и Волга неуемны,
и панцирь ледяной трещит.
В Симбирске спит новорожденный,
спокойно в колыбели спит.

Отец души не чает в сыне,
склонилась мать: «Счастливым будь!»
Но тем, кто в жизнь вступает, ныне
еще не виден верный путь.

Еще не сжал кулак могучий
российский пролетариат,
еще сынов народа лучших
ждет каторга и каземат.

К свободе — на замке ворота.
Брат Александр не может знать,
что черный контур эшафота —
в его судьбе конечный знак.

С амвона поп твердит про манну,
а в кабаке филер сидит.
Весна. И маленький Ульянов
в Симбирске безмятежно спит.

Но первый шаг его — он будет,
да, будет первый шаг борьбы.
Спит мальчик, не предвидят люди
его значительной судьбы.

Он будет — Ленин! Люди, ждите:
пробьет набат, настанет год,
год потрясающих событий,
которые свершит народ.

У обновленных поколений
в труде и в яростных боях
зарей победы будет Ленин,
бессмертный — в пламенных сердцах.

1958

УТРО

Континенты во сне ворочались —
сны пророчили близкий рассвет.
И занялся свет,
кровью умытый
и в гневном пламени закаленный, —
свет с Востока.
И, ото сна воспрянув
в сетке меридианов,
пробуют континенты: сеть крепка?
В дверь мира заря постучалась,
крепнущим солнцем горя,
несла она серп и молот.
Этим стуком сон размолот, и понемногу
в зарево за порогом приоткрылась дверь,
толчок и—р-раз! — она распахнулась.

Я сбежал с крыльца и со всеми
вместе пошел на работу.

1963

Пауль Хааваокс

МЫСЛИ О ВЕЛИКОМ ОКТЯБРЕ

1

Огонь почти без дыма и шипенья —
Дрова сгорают сухо и легко.
Пылают щеки. Ровный жар в поленьях.
И мысль не улетает далеко.

Ты спички две извел иль три... Но в том ли чудо?
Эх, мастер, твой костер достоин похвалы!
Но чу!.. Донесся звук неведомо откуда...
Бескрайней песни катятся валы.

Она несет слова тяжелые, как скалы,
Из каждого — хоть памятник руби.
И мысль ее светла, как холст в рассвете алом,
В ней поступь богатырская борьбы.

В мелодии суровой боль утраты
И горечь мук, что трусу не снести,
И мужество. И эхом перекатным
В ней голоса с пройденного пути.

2

Время — белильня.
Память отбелит —
Радость и беды ...

Старые были
Знали родители,
Дети не ведают.

Если и ведают,
Не помнят толково.
А вспомнят, беседуя,
Так через слово.

Время — белильня.
Зло и упорно
Выбелит память.

Только не сгинет
Кузнечного горна
Рабочее пламя.

Новые сохи
Полю нужны,
Полю для хлеба.

Дышат мехи,
Наковальня звенит,
Искры — до неба!

3

Бурен был Петербург,
Требуй хоть ломтик хлеба!
Ломтику — жизнь цена.
Обильная Русь — бедна.

Рвани же истлевший от пота шнурок
И крестик нательный швырни за порог.

Обман-тоску
В Неву-реку.
Пусто и голо,
Мучает голод.
Комариною тучей
Жалит и мучит.

Требуй хоть ломтик хлеба
(Пуды же его обещаны),
Без хлеба и птице не быть.
Сколь выдержишь ты, человечина?

Эх, хоть бы чаю стакан,
Горького хоть, пускай и горчичного.
Пил бы и пил!

Слышишь, стучит барабан, он стучит необычно.
Значит, готовься — час штормовой наступил.

Холод и голод, круги пред глазами... Но гордо
Все одолеешь. И сердцебиенье настрой!
Спесью буржуев ты сыт уж по самое горло.
Крепкие нити связали с семьей трудовой.

Пальцы еще собирают табачную крошку
неловко...
Выстрел с «Авроры» (иного сигнала не дашь!).
Понял. И вскинул свою боевую винтовку.
Плечи расправил. И грудь, как сплошной
патронташ.

1963

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ

(1848—1948)

Бросая в пот монархов и господ,
расшатывая стены деспотизма,
брел по Европе призрак коммунизма,
светильник свой взметнув под небосвод.

Пылало пламя яркое окрест,
боролись насмерть силы дня и ночи.
Рожденный пробуждением рабочих,
будил в сердцах отвагу Манифест.

Взлетало беспощадным топором
блестящее, отточенное слово
над черным и гнилым стволом былого,
и чудилось — вокруг грохочет гром.

И с каждым взмахом делалось ясней,
что мир принадлежит рабочим людям.
Мы право лишь восстанием добудем,
нам нечего терять, кроме цепей!

И мы своей мозолистой рукой
капитализму вырыли могилу,
освободили творческую силу,
за борт швырнули мусор вековой.

Год Октября запомнят навсегда!
Шестая часть планеты — вот то место,
где стало жизнью слово Манифеста,
смыв грязь веков, как бурная вода.

На свежей почве мощный дуб возрос,
уперся в небо он зеленой кроной,
шумит ветвями, солнцем озаренный,
на диво всем окрепший после гроз.

Охвачен грозной битвою весь свет,
вся твердь земли — от края и до края.
Капитализм дерется, умирая,
но все равно — ему спасенья нет!

Мы победим! Так сотню лет назад
провозгласили громкие фанфары.
Мы, коммунисты, мир осилим старый
и землю превратим в цветущий сад!

1948

ЛИШЬ ЗАВТРА УВИДЯТ НАШЕ ЛИЦО

В древности — аргонавты,
Ныне — первые астронавты,
Мы плывем все по той же могучей реке,
Плывем вниз по ее теченью,
Грудью встречая бурю.
Реи над головами,
Палуба под ногами,
Настоящее наше с нами!

Позади лежат берега
Давних тысячелетий...
Слышен гомон работы мерный,
Скрип бревна и удар ременный,
Потные блещут плечи,
Ловкие свищут плети —
Воздвигаются пирамиды.

Позади дрожат берега
Под ногами фаланг Александра.
Терпкий запах войны над землей
И мелодия песни попутной —
Фессалийский мотив боевой
Над песками Гедрозии скудной.

Позади лежат берега,
Где склонен над прессом печатным
Гутенберг — бородатый книжник.

Еще краска свежа, как земля на рассвете
Вновь открытого мира, — да будет свет!

Позади и те берега,
Где подписан декрет о мире,
И подпись еще не просохла...
На энергию ленинской мысли
Молниями разноименных разрядов
Откликается мир...
Над снегами алыми тех берегов
Витают надежды и дым ружейный.

Мы плывем к берегам, где лишь контуры,
Нашим созданные воображеньем.

Мы плывем по могучей реке,
Не подвластной законам физики:
Волны, мчащие нас, только в завтра выносят
Сегодняшние цвета,
Ароматы и звуки.
К нам вот так же приходят вчерашние
Запахи, звуки, краски.
И завтра, лишь только завтра
Увидят наше лицо.

Никогда не спросит вчерашнее,
Что мы делаем нынче,
А завтрашнее спросит,
В наши лица вглядится
И чутьем угадать сумеет,
Прикасались ли наши руки,

Напряженные наши руки,
К золотому руну
На его плечах.

1959

Я ГОЛОСА РАЗЛИЧАЮ ЗНАКОМЫЕ

Я голоса различаю знакомые,
Сердцем своим пережитое слушаю:
Не нарушая молчания комнаты,
Внятно восходят звуки минувшего.

Слушаю... и возникает нетленная
Песня, которую пела когда-то
Мама, качая меня на коленях
В поле, где копны мне были кроваткой.

Слушаю... и нарастает жужжание —
Бабушка прялку свою запустила...
Слышу, как в Юрьеву ночь — на восстание
Будит печальную родину било...

Слышу, как пели отцы мои, падая
В пятом году под казачьими пулями,
Здесь и в сибирских снегах неоглядных,
Где их болезни и каторга гнули...

Слышу Октябрьских знамен переплески.
Слышу, как тихо вползают туманы
На зарастающие, безвестные
Красных бойцов полевые курганы.

Слышу томительный рев канонады
И нарастающий грохот бомбежки.
Слышу, как пашут огонь и снаряды
Землю, что горше груди иссохшей...

Слышу... я слышу, как беженцев толпы
По бесконечным дорогам проходят.
Их измотали военные тропы,
Поиск ночлега в чужих подворотнях.

Слышу еще, как сынок ненаглядный
Тянется к солнцу ручонкой, смеется,
Как ручеек с Вяйке-Мунамяги,
Тихо журча, в Эмайыги[1] льется.

И — как моря, только-только возникшие,
В песнях морских еще многое путают...
Слышу заводов басы чуть охрипшие.
Тоненький голос высокого спутника...

Все эти звуки, сливаясь в единый
И гармоничный мотив, зазвучали
Непреходящим ликующим гимном
Жизни извечной, побед и печалей.

Радостно знать: в неминуемой вечности
Есть моих песен искорки где-то.
Пусть они в общей симфонии — клеточки.
Но ведь и сердце живое — из клеток.

---

[1] Вяйке-Мунамяги — холм в южной Эстонии; Эмайыги — одна из наиболее крупных рек Эстонии.

И, голоса различая знакомые,
Сердцем своим пережитое слушаю:
Не нарушая молчания комнаты,
Внятно восходят звуки минувшего.

1959

КОСТРЫ

Лес погрузился в туман.
И заснули в тумане палатки.
Все, что вокруг, подчинилось
густого тумана движенью.
Красные блики играют
на лицах задумчивых в прятки.
Тихо в костре догорая,
последние светят поленья.
Вновь говорим, что, быть может,
в нас тоже что-то угаснет.
Вдруг беспокойство исчезнет —
дымкой бесцветною сердца.
Пеплом другие костры
разжигать и пытаться напрасно.
Темень и холод в груди —
свет над землею померкнет.
Красные угли пылают.
Дивное вижу в их свете:
Ленин.
Разлив.
Шалаш.
Ветви в костре горят.
Пылают последние угли.
Гаснут последние ветки.

Но видишь: костер загорается
у Смольного в ночь Октября!
Сгорают до тла головешки.
Во мгле угольки угасают.
Хлещет их ливень
без устали, без перебоя.
Правда, не вечно ничто?
Но костер уже снова пылает
В звездную полночь Магнитки,
в синих ночах Днепростроя.
Гаснут костры, чтоб зажечься —
реакция это цепная.
Что тем кострам государства?
Что им года и границы?
Мальчишки с девчонками вместе
глядят, как поленья пылают:
На Плайя-Хирон, как и в Нарве,
костры освещают их лица.
Быть может, как мы, они тоже
с годами чего-то лишатся —
Яркое пламя порыва
быстро развеется дымом.
Только костры догорают,
чтобы другим разгораться.
Гаснут костры, только пламя
в мире неугасимо.
Через туман равнодушья,
колючее лжи загражденье,
Прорвется туда, где как смерти
боятся пожара ночами.
Сердца там огни зажигают.
Сердечное это горенье,
Чтоб вечно ему не угаснуть,
проносят костры за кострами.

Задумчива и устала,
как ты, мой верный товарищ,
Везде, где рабочие люди
ночные костры зажигают,
Ты там, наша истина,
руки замерзшие отогреваешь.
Пылают.
Пылают угли...
Красные угли пылают.

1964

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЛИФОНИЯ

Сижу в Эрмитаже,
сижу на скамье,
крытой красным бархатом,
и отдыхаю.
Во дворце сейчас выставка
пышных нарядов прошлого века.
В стеклянных витринах
застыло надменное высшее общество.
Сижу, опершись о стену,
и смотрю пристально в прошлое.
Дамам витринным
не смерить друг друга
завистливым взглядом —
нет у них глаз.
Кавалерам галантным
по-онегински не усмехнуться
и не зевнуть, как Печорин, — небрежно,
нет у них ртов.
Нет и ушей — некому слушать
сужденья о туалетах.
Нет и голов —
только цилиндр порою
торчит кое-где над фраком.
Сижу в Эрмитаже
и отдыхаю.
Я пришла сюда
из петропавловских казематов.

В крепости мне сказали,
что узникам, смертникам, каторжанам
полагались особые одеянья.
В одной из камер для политических
видела я железную койку
узницы молодой.
И мне кажется, что та девушка
русоволосой была и с грустными глазами.
Она, в одиночке сидя,
однажды ночью одежду свою облила
керосином из лампы,
и дерюга тюремная запылала факелом.
И немое злорадное пламя
ледяные лизало стены.
Сижу в Эрмитаже —
до чего же, наверное, были эффектны
тогдашние платья
(с пышными шлейфами
и прочими криками моды),
когда развевались они
рядом с мундирным шитьем
гусарских полков,
и в такт «Полонезу» Шопена
звонко звякали шпоры.
А в крепости томилась женщина.
Двадцать лет носила она
арестантский халат
и не облила себя керосином.
Она написала книгу,
звали женщину Вера Фигнер.
Сижу в Эрмитаже
на скамье, крытой красным бархатом,
прислонилась к стене и думаю:
сегодня была во дворце,

была в петропавловских казематах.
Дивилась пышным нарядам
на безликих и безголовых.
И еще —
сегодня я видела лица,
такие узнала лица,
что с мыслью о них забываешь
о франтовских фраках и шелестящих шлейфах.

1963

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Памяти революционерки

1

За железным окном
в белопенном море
белые корабли,
словно моя тоска.
А у берега ржавые остовы кораблей,
словно мое лицо,
со следами рифов
и сальто-мортале
многих штормов.

2

За моим железным окном
лают и лают волны,
и сторожат у двери
Аргусовы глаза
с кровавыми жилками,
как у служебных псов.

3

К долготерпенью взывает
догмат христианской веры.
Мои легкие в клочья

разорваны кашлем,
но кровинки ненависти во мне
свои кулаки поднимают.

Плакать я не умею,
знают мои подруги,
что я не лгу.
Зато я мечтать умею.

4

Чего я хочу,
какое желанье
последнее у меня?

Своею рукою
детей своих
оделить хлебом
и смотреть, как они
его уплетают,
сидя за нашим семейным
широким столом.
Еще хочу,
чтобы дети мои скакали на палочке,
хохотали б вовсю
и никто никогда
не накладывал им запрета.

Правда, не знаю,
чего мне хочется
напоследок.

Может быть, нюхать цветок
или стоять босиком
средь ромашек,
иль на дожде стоять,
чтобы капли с волос стекали,
срывать своими руками
яблоки с дерева.

Слишком многого, верно, хочу.
Если бы я и смогла
протянуть бессильную руку,
на цыпочки встать,
чтобы...
Поздно. Ты недоступен мне,
горный цветок —
мой эдельвейс.

5

Пора?
За железным окном
в моей камере
странное происходит:
Смерть враждует с Мечтою.

В тусклом зеркале Смерти
я уже стала Никем,
только длинные ногти мои
растут и растут.
А в зеркале у Мечты
я такая, как раньше,
вся — ожиданье.

И он — муж мой — придет,
и, охваченная восторгом,
пальцы я утоплю
в чаще его кудрей.
И мы сядем в лодку
и уплывем далеко
в страну моей мечты.
Он отнесет меня на руках,
и на траву опустит,
и ляжет рядом.
Вокруг будут пышно расти
совсем простые цветы,
а может быть, и картофель,
и будут летать
совсем обычные птицы,
может статься, синички
или хотя б воробьи.
Все равно.

А потом вернемся домой.
И своею рукой
нашим детям нарежу я хлеба
и буду смотреть,
как они его уплетают,
и слушать их смех,
когда скачут они
на лошадке-палочке.
Эдельвейс,
мой горный цветок,
ты забрался слишком высоко,
я до тебя уже не смогу дотянуться.

Странные вещи творятся
в этой камере
с железным окном.
Вслушайтесь!
Неужели не слышите?
Смерть враждует с Мечтою
и Мечта неотступно требует:

Тело ее
кумачом накройте!

1965

ПРИВЕТ В ГРЯДУЩЕЕ

С давней поры я знал,
что дитя человеческое
не хлебом единым живо,
что нужно еще его телу — тепло,
а взору его — свет.

С давней поры я думал,
что тот, кто создал жестокого бога
по образу своему и подобию,
может сам из камня добыть огонь
и при свете огня
отковывать новый свой лик.

Тянет угаром... Чьи-то мехи раздувают
гибельный уголь войны,
чтобы наш сине-желтый шарик
стал тысячекратным адом.
Люди, сплотитесь и твердо скажите:
«Не разрушать, а строить, и только строить!»

Зарево горящих городов
врезалось в мои ребяческие сны,
а когда подошла мне пора учиться,
где-то нависли огненные грибы
отравою для поколений.

Я видел, как дом за домом
вставали из праха и пепла,
как возле новорожденного моря
в небо поднялись трубы
Нарвской электростанции
и ныне оттуда глядят на руины
средневековой башни.

В плотный бетон я вписал свое имя
в ряду с именами строителей.
Я жил в поисках счастья
и размышлял вечерами:
в чем заключается сущность сущего?

В то время и были найдены нами
цель жизни и смысл жизни,
когда мы пришли к пониманью,
что счастье всех — это наше счастье.
Мы сегодня бережно орошаем
грядки грядущих дней,
чертополох выпалываем,
хоть руки порой от него в крови,
хоть весь он еще не выполот.

Стою на холме и смотрю:
в синеве самолет сверкает —
он обгоняет свой собственный звук,
и, глядя в небо, я забываю
про зарево над разбомбленной Нарвой.
Я вспоминаю, что дедушка мой
рос при лучине
и был он моих лет

раньше, чем стали писать:
тысяча девятьсот пятый,
раньше, чем стали писать:
тысяча девятьсот семнадцатый,
раньше, чем стали писать:
тысяча девятьсот сороковой.

И ты, человек, который прочтешь об этом
в эпоху праправнуков наших,
приветствуй от имени моего
Венеру и Марс,
и сине-желтую эту Землю,
осиянную теплым светом
будущих быстролетящих лет.

1965

ДЕНЬ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕВОРОТА

Июньское светлое утро.
Безветренная погода.
Весело светит солнце.
Ни облачка в синеве.
С фабрики Франца Крулля
гудок подает свобода.
Она в спецовке. И с красной
повязкой на рукаве.
Ее ладони мозолистой
каждый рычаг подвластен:
Гудок за гудком взлетает
к солнечной синеве,
И заводские ворота
распахиваются настежь,
И тревожней становится щебет
барышень из кафе.

Из Копли и с Ласнамяги,
из трудовых предместий,
К центру хлынули реки,
сливаясь в единый поток,
И глотки предместий громко
запели рабочие песни,
Что прожили под запретом
двадцатилетний срок.

«Ситс», «Ротерман», и «Лютер», и порт —
за тыщами тыщи...
И в ногах у них нынче не путался
ни полицейский, ни сыщик.

. . . . . .

Казалось, на людных улицах
гроза вот-вот загрохочет,
Хоть в солнечном небе по-прежнему
не было облаков.
— Свое хозяева пожили!
Наступает время рабочих —
Время, когда не будет
ни голодных и ни рабов!

Колышет домовладелец
пузом в жилете палевом,
За толпами по тротуару
мелким шажком семенит.
— Братья мои! Эстонцы!
Не рушьте твердыни Калева!
Срам ведь на всю Европу!
Глупые, срам и стыд!..
Хохочут девчонки с окраины,
кричат старику: — Проваливай!
Мало ли на квартирах
нажил ты, старый хрыч?
Домов у тебя десятки,
торговец славою Калева,
А ты хоть один построил,
положил хоть один кирпич?
— Дядя, — смеются фабричные, —
ты бы наведался к тете.

Скоро справлять поминки —
время печь пирожки.
Похозяйничали — и будет,
стало быть, мы в расчете.
Нынче настала наша
очередь жить по-людски!

Шагают колоннами плотными,
запрудили весь город толпами,
Надежда в груди теснится,
нетерпенье стучит в сердца...
Вот уже показался
президентский дворец на Тоомпеа...
Победа близка — рабочие
сегодня дойдут до конца.

1959

РОДНОМУ КРАЮ

Страна моих отцов — эстонская земля,
Все больше я люблю твои леса, поля
В напевах золотых, в звучанье слов родимых!
И в грозных бурях ты стоишь непобедимо,
Эстония — советская земля!

На запад от тебя синь моря вижу я,
Цепь островов твоих с каймой береговою,
С востока — неба высь и озеро Чудское
В просторах обнялись, как верные друзья, —
Эстония — советская земля!

Мы — сыновья твои, свободная земля,
Корнями, как дубы, вросли в твои поля!
В единый наш Союз, как равная с другими,
Навеки ты вплела свое простое имя,
Эстония — советская земля!

1944

Зимри, любовь! Из уст в уста сурово
неся свой гнев, пусть плотью станет слово!

(Ю. СЮТИСТЕ)

*

Под свастикой народ объят печалью,
В развалинах блуждает тихий плач.
И молодые стариками стали,
К нам эта ночь подкралась, как палач!

Окутал нас позора сумрак мглистый,
И гасит вдохновение туман.
Отравлен прусским криком воздух чистый,
И лживый марш гремит под барабан.

Мы бы смеялись, видя, как бессильны
Все их слова, что солнца блеск угас,
Мы бы смеялись, видя, как насилье
Бушует в оргии последний раз, —

Но знай: стереть клеймо позорной муки
Сумеем мы, лишь взяв оружье в руки.

[1945]

(Из цикла «Любовь», 21.)

ДЕРЖИТЕСЬ, БРАТЬЯ!

Крепче держитесь, братья, стойте стеною!
Слушай меня, Эстония, слушай!
Время шагает по фронту твердой стопою!
Прочь колебанья, станьте стали надежней, души.
Час роковой настал, пробил суровый час —
Быть или не быть? Жить или не жить?

В сердце звучит призыв, в сердце гремит приказ.
Кровь победивших у Юмеры, кровь
осаждавших Выннy
К подвигу кличет снова, чтоб победить и быть
Равным в семье народов, несокрушимых отныне.
Мы от врага очистим отчие берега.
Мы над собой не потерпим вражьего сапога!

Крепче держитесь, братья, стойте стеною!
Заперты рты, но гневный не затихает жар,
Если оружья нету, каждый — и млад и стар —
Камнем кулак носите, голосу сердца внемля!
Скоро переломает грохочущий ваш удар
Кости всем оккупантам, грабящим нашу землю!

1942

НАША СИЛА

Наша сила — родная отчизна,
Наша сила — в полях вековых:
Эти нивы под солнцем лучистым,
Это шествие туч дождевых.

Наша сила — взгляните в былое,
И увидите славные дни:
Это — образы предков-героев,
Это — Юрьевой ночи огни[1].

Наша сила — небесные дали;
Нет их глубже, родней и синей,
Это — зимы, где мы пробегали
По тропинкам до школьных сеней.

Это — с башни далекие звоны
Средь вечерних мерцающих струй.
Это — нежные ночи влюбленных,
Это — первой любви поцелуй.

Наша сила — борьба, избавленье
От батрацкой судьбы и невзгод;
Это — весен веселое пенье,
Летний клевер, что пахнет, как мед;

---

[1] В Юрьеву ночь 1343 года эстонцы восстали против немецких и датских поработителей.

TRÜ Raamatukogu

Это — листьев багряных блистанье,
Это — грустных закатов туман,
В Пюхаярве и в Махтра [1] восстанье
Угнетенных эстонских крестьян.

Наша сила — наш дух, пробужденный
Под жестокою властью царя,
Дух, в каморках мансард закаленный,
Это — ясная в небе заря;

Это — в барских поместьях пламя,
Это — зарева красных годов,
Что вставали в ночи над снегами,
Над безмолвьем глухим холодов.

Наша сила — седой, темноликий
Город Таллин, что в зелень одет,
Баржи в серых волнах Эмайыги,
Это — Вышгорода силуэт;

Это — море, что в штормах сурово,
Это — грозный от бурь небосклон,
Это — лето сорокового
В колыхании алых знамен.

Наша сила — дети в селеньях
На балтийском родном берегу,
Наших братьев замученных тени,
Сестры, ждущие мести врагу.

---

[1] Пюхаярве, Махтра — места крестьянских восстаний в Эстонии в XIX веке.

Наша сила — присяга народу
И к родимой отчизне любовь,
Что ведет нас на бой за свободу,
Наша жизнь, и отвага, и кровь!

Челябинск. 1942

Я — КОМСОМОЛЕЦ

Отрывок из поэмы

Наш век — неукротимое стремленье,
И, всей твоей душою овладев,
Твоими стали и его горенье,
И чувство боли, и любовь, и гнев.

Противник в декабре сорок второго
Зажат был в клещи у Великих Лук,
Верней, у пепелища городского,
Где только трубы высились вокруг.

Мой современник, находил ты много
За жизнь свою развалин и могил,
А тот, кто шел военною дорогой,
Их вдесятеро больше находил.

Вот этою дорогой невеселой
И шли мы в Луки мимо сел былых.
Война дотла испепелила села,
Оставив лишь названия от них.

И на снегу, от пепла грязно-талом,
Располагались мы, прервав поход.
Метель нас укрывала одеялом,
А крышею служил нам небосвод.

Мы просыпались посреди развалин,
Во сне окоченевшие почти,
И поднимались, и вперед шагали,
Чтоб счеты с разрушителем свести.

Пылают Луки.
Первая атака
Нас ждет в начале будущего дня.
Должны мы скоро под прикрытьем мрака
Сменить друзей на линии огня.
И вечер ожиданием отмечен,
И дым ползущий горек и тяжел...

Торжественен, однако, этот вечер:
Сегодня я вступаю в комсомол.
Не сразу научившись видеть зорко,
Я долго шел, петляя и кружа.
Но вот сегодня вызова комсорга
Я жду у маленького блиндажа.
Нас несколько тут.
Люди молчаливо
Сидят, покуривая самосад.
Земля порою задрожит от взрыва
И на груди качнется автомат.

Вот вызов. И с волненьем затаенным
Вхожу отважно, как и надлежит,
В блиндаж, где за столом неосвещенным
Все комсомольское бюро сидит.
И Сепп меня подбадривает взглядом,
И кажется уже, что не один
Вошел в блиндаж я, что со мною рядом —
Степанов, Верочка и Карамзин.
Все те, кто в дни беды неотвратимой

Меня учили родину любить,
Давая то, что так необходимо
И без чего немыслимо прожить.
Меня поддерживала сила рук их,
Вели вперед их честные сердца.
Они уверены: в горящих Луках
Я буду верен долгу до конца.
Мне в полумраке видится Степанов,
И я читаю у него в глазах:
«Как видно, жить спокойно не судьба нам,
Так будь бесстрашен
в жизни и в боях!»
Я слышу гул, и жизнь дофронтовая
Мне вспоминается внезапно вся.
Молчу, волненье преодолевая,
И начинаю так:
— Я родился...

1948—1953

ЕЛИ В КАЛЕВИ-ЛИЙВА[1]

Новогодними ночами
светились в духмяных избах
Калеви-Лийва
трепетные огоньки.
На каждой еловой ветке
теплилось по семь свечей,
и грудные младенцы
глядели во все глаза
на эти большие для них огни.
Ребенок всегда устремляется к свету,
он — дитя света.
Разве в те ночи
кто-нибудь мог подумать,
что в заросшем, глухом овраге
Калеви-Лийва
сном непробудным заснут
сотни и сотни детей
и никогда, никогда
они не увидят света.
В тот ужасный час,
в далекий, но незабываемый час
ни в чьих глазах не нашлось для детей
теплого огонька.

---

[1] Калеви-Лийва — местность, где немецко-фашистскими оккупантами были расстреляны тысячи советских людей.

Ныне никто не рубит
новогодних елок
в Калеви-Лийва.
Пусть растут они высоко-высоко,
пусть шумят они грозно и глухо,
чтобы напомнить,
предостеречь.

1961

ЭСТОНСКАЯ РАПСОДИЯ

Есть такая песня: «Эстония — моя родимая
страна» [1].
Нынче у нас, пожалуй, и не поется она.
Меня отнюдь не печалит такой поворот истории
нашей.
Но что эта невинная песня повинна в черных
делах «омакайтсе» [2], — никак не скажешь.
Итак, песня — песней. Но все же, наверное,
надо отметить, что связи явлений подчас утверждаются неправомерно.
С песнею этой
мне вспоминается горечь и боль того лета,
когда гроза военная загрохотала...
Эту же песню любил напевать часовщик Синисалу.
Он подвизался в каком-то хоре. (Эстонцы вообще
народ певучий,
песней они разгоняли неволи тяжелые тучи.
Эстонская певческая культура действительно высока.)
Плечистый брюнет Синисалу обладал приятным
баритоном. У мастера-часовщика
были дети-крепыши и худенькая задорная женка.
Семьею своей часовщик управлял уверенно и
тонко.

---

[1] Популярная песня, использованная реакционерами.
[2] Фашистская военизированная организация.

«Хотите, детишки, конфетку?» — «Папочка, дай!»
— «На!»
И, качая ребят на коленях, Синисалу напевал:
«Эстония — моя родимая страна».
Здоровяк-мастер был непрочь поваляться на
солнце в жаркую погоду,
но особенно сильно он загорел в июле 1941 года,
в дни, когда (если верить стоустой молве и пере-
сказать ее вкратце)
Синисалу преотважно сражался под Тарту в ря-
дах «омакайтсе».
Вернувшись домой, он не осквернил жилье —
эстонскую свою обитель —
ярким плакатом с надписью «Гитлер — освобо-
дитель»,
лишь трехцветным флажком часовщик украсил
письменный стол.
Порой, за бутылкою сидя, Синисалу околесицу
плел
и рассказывал нудно и тягуче
любимый свой анекдот про могилу фюрера и вдо-
ву дуче.
Вскоре народ заприметил, что часовщик понем-
многу
принялся жить на широкую ногу,
ублажал себя и семью то одним, то другим
божьим даром.
Кстати скажем: лавчонка его погибла тогда же в
огне пожара.
Но эта, казалось бы, злая беда —
для Синисалу как с гуся вода.
Небогатый мастер, он зажил так, словно у него
что ни день — то свадьба,

словно у него многоэтажные дома, а в придачу
к ним большая усадьба.
Голос народа был тих, но суров,
попробуй унять нарастающий гул голосов.
«На рижской дороге близ Тарту... Да, противо-
танковый ров».
«Не вернуться — ни владельцам, ни наследникам.
Застрелены или заколоты...»
«Кое-кто вовсю поживился еврейским золотом!»
«Это же фрицы творили такие дела...»
«Фрицы?! Их в Тарту было тогда не больше сотни-другой.
А вот подручных хватало с лихвой».
Часовщик же, мило улыбаясь, гулял по городу и
напевал: «Эстония, моя родимая страна».
Смекалистая бабенка-жена
тараторила: «Я на его месте требовала бы ордена
или медали.
Люди за отчизну сражались, пообносились, а им
по рубашке не дали. Видали?»
Теперь часовщик Синисалу живет не у нас.
Отыскать его можно в Торонто, Мельбурне, а может быть, в Лондоне он сейчас.
Там у него, вероятно, и поныне золота вволю,
и никто — ни владельцы, ни наследники —
не придут к нему требовать долю.
Синисалу поселился в тех краях, где эстонский хор (высокая культура исполнения; в хоре одни
лишь мужчины)
выступает на разных юбилеях и годовщинах,
где тоскливо поют, уповая на будущие времена:
«Эстония, моя родимая страна».

1960

ОГОНЬ

Когда был ребенком и добрым, и глупым,
Огонь я готов был ласкать поминутно.
А позже и свет, и тепло от огня,
Как счастье большое, ласкали меня.

Но когда о счастье я мечтаю,
Огонь войны я ненавижу, проклинаю.

Сидел у костра. От пылавшего света
Шарахались сумерки позднего лета.
И замечал с пылкой радостью вновь,
Как в женских глазах загоралась любовь.

Но когда я о любви мечтаю,
Огонь войны я ненавижу, проклинаю.

Помню чащобу. В часу предрассветном
Бойкое пламя плясало по веткам.
Картошка пеклась. Жар янтарных углей
Оттаивал хлеб для продрогших людей.

Но когда об отдыхе мечтаю,
Огонь войны я ненавижу, проклинаю.

Когда возвращался с работы домой,
Встречал и тепло, и уют, и покой.

Отсвет от печки на лицах играл.
Колени мои мой малыш обнимал.

Но когда о будущем мечтаю,
Огонь войны я ненавижу, проклинаю.

1962

ПЕСНЯ О ГОРЕ-ГОРЬКОМ

Где-то в дальнем краю курляндском,
на полях, перепаханных пушками,
в земле, воронками взрытой,
тлеют кости твои, сынок.
А дома в темном, трухлявом комоде
хранит пожелтевший конверт
прядку первых твоих волос,
перевязанных синенькой лентой.
Эта мягкая прядь — кудесница,
день за днем твое детство она воскрешает,
с нею — ночи бессонные у колыбели,
с нею — ласка твоих ладошек,
с нею — первые неуверенные шаги
по нашим полосатым половикам.

Невеста твоя другого парня нашла,
хотя лучше тебя нигде никого не сыщешь.
Ей не сидеть одиноко зимними вечерами,
глядя на жаркие угли, что светятся в очаге.
А у меня от печали душа заходится —
столько в ней колыбельных еще недопето.
Пальцы мои людям чужим вяжут чулки и шали,
долгое это вязанье — как материнская мука.
Бывает, сижу за работой и шарю ногою,
ощупью ищет нога перекладинку под колыбелью,
чтобы покачивать внука, которого нет и не будет.

Кому рассказать мне про королевну,
как проснулась она, сотню лет проспавши,
как открыла глаза голубые и молвила:
«Мой принц, вы заставили ждать себя очень
долго».
Самой что ли слушать старинную сказку...
У малых внучат и глаза б разгорелись,
и сердца забились бы от волненья,
они бы ко мне прильнули, к рукам морщинистым
бабки,
и забыли бы руки свои вязальные спицы.

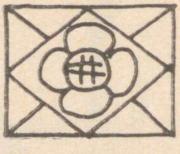
Мне сказки теперь не радость, а слезы,
заросла по застреху дремучим шиповником
горенка сердца, и больно от острых колючек.
Мне столетнего сна, как в той сказке, никто не
нашлет,
не проложит мечом прохода в кустарнике,
и тоски моей тоже никто не отрубит.

Я не знаю, сыночек, где ты.
Отец отыскал могилу
с твоим именем на дощечке,
положенной в изголовье,
и отрыл в могиле четыре руки.
Была ль хоть одна твоею?
Четыре руки, когда-то крохотные,
тянулись к матери молодой:
поддержи, помоги.
Потом они выросли и окрепли
и сами могли повыше плечей поднять
свою старенькую сутулую маму.
Такими их и зарыли в землю...

О, если б все руки, искромсанные войною,
скрутили проклятых, жадных до крови и денег,
если б крикнули руки: «Довольно!
Нас матери ждут!
Долго ль им еще опираться на посох из можжевельника?
Бабушкам нашим — внуков нянчить, правнуков убаюкивать».

На той могиле, где нету тебя,
годы стерли, наверно, имя твое
с дощечки у изголовья.
Покойтесь мирно, мертвые руки,
что устать еще не успели.
Но где бы ты ни был зарыт, сынок,
поверь мне, повсюду над прахом твоим
лесом железным поднимутся тысячи тысяч рук,
и они отведут от людей войну.

1958



По воле ветра не кружусь щепой,
мой путь — с народом, со страной родной!

(М. КЕЗАМАА)

Юхан Сютисте

ВЫ ПРИШЛИ

Пришли вы. Перед вами буря мчалась,
Пылал отчизны старой горизонт.
Сквозь пыль дорог, преодолев усталость,
Стремясь домой, передвигался фронт
К родной земле. Там юности начало.
Так завершается круговорот.

Друзьям, чьей волею счастливый век творится, —
Вам шлю привет я у родной границы!

Еще вчера багрово тлела полночь.
От взрывов трясся город. В даль небес
Взлетал огонь. Береговые волны
В дыму кровавом задыхались здесь.
Страшился дух — последней ночью темной
Разбойник нес раздор, убийство, месть.

Но вы пришли, не дав врагу отсрочек,
И в море сбросили его одною ночью.

Колотятся сердца не от испуга —
Крик «Здравствуй!» здесь, ответный там привет,
Из очага в очаг перенесенный уголь
Горячим, ярким пламенем одет.
Не ждешь ответа, спрашиваешь друга,
Все ловишь: голос, взгляд, улыбки свет.

И в той приветственной, горячей речи
Связь старого свиданья с новой встречей.

Не для пиров солдат домой спешил,
Не спал ночей, усталый до предела.
Переступил он множество могил,
И складка меж бровей окаменела.
Металлом руки три зимы студил,
Три лета для победы жатва зрела.

Три осени сгубил огонь орудий,
Звенели три весны железной грудью.

Ноябрь 1944 года

ДОРОГА К ДОМУ

Он снова здесь. В дали безбрежной
Открылся дом родимый взору.
Леса тонули в дымке нежной,
Родные осветились горы.

Он замер, перейдя границу,
Средь очарованного лета,
Увидев, как земля лучится
В прозрачном зареве рассвета.

Он поднял горсть земли. И сила
Любви, что сызмальства знакома,
Вновь закипела кровью в жилах.
Он зашагал к родному дому.

Он шел, и каждая тропинка
Стелилась ковриком под ноги.
Он шел с землей своей в обнимку,
С цветущей нивой и дорогой.

1944

ШЛЕМЫ И ШТЫКИ

Прекрасным утром,
румяным, светлым
швыряю в печку
металлолом.
Швыряю шлемы
на переплавку,
орлы на шлемах
блестят крылом.

Весенним утром
металл швыряю,
СС эмблемы —
у ног, в пыли.
С болот, с пожарищ,
с полей изрытых
всю эту рухлядь
понавезли.

Лучистым утром
стою над грудой,
штыки швыряю
в огонь в упор.
Их ржавый голос,
трескучий голос,
на весь несется
заводской двор.

Лоб отираю,
мелькает думка:
наступит время —
последний штык
и шлем последний
в отменный лемех
ты переплавишь
в печи, старик.

1958

КРЕМЛЕВСКАЯ ПУШКА

Нет, не люблю я пушек,
хоть их повидал немало.
В сорок первом катились они
на восток
бесконечною вереницей —
новенькие, блестящие.
В сорок четвертом тащились
на запад
эти же пушки врагов,
грязные и помятые.
Много пушек перевернулось,
завязло в канавах, в кюветах,
в российских болотах.

Днями гремела над нами
грозная песня наших пушек,
она сулила свободу,
но все же слушать раскаты
страшно было до дрожи.
Опасная эта песня —
снаряд не видит, не слышит,
и трудно ему различить
своих от чужих,
детей от солдат.
Потому-то мне и пришлась по душе
из всего пушечного племени
добросердечная, древняя

кремлевская Царь-пушка.
Ведь за триста лет с лишним
ничем смертоносным
она не плевалась.

Ах, если бы все остальные пушки
притихли, ее примеру последовав.
Ах, если б на свете лишь несколько пушек
стали ровесницами кремлевской,
в воротах музейных стоя,
восторгам ребячьим радуясь.

1961

*

Летит самолет над полями,
летит, удобрения сеет.
Летит от деревни к деревне.
Вираж, поворот над домами —
и снова назад, в поля.

Картина эта написана
на полотне необычном.
Если всмотреться в него,
сквозь нежную зелень
проступит другое,
другая картина —
минувшие дни.
Горит деревня.
Над ней самолет пикирует.
Цепи ползут,
цепи в атаке,
цепи ударились в бегство,
рассеяны цепи.
В резком потоке лучей
краски бледнеют,
рассказ начинают мазки,
что застыли глухим каменистым
рельефом,
напоминающим лунный пейзаж.
Идиллия: в поле весною,

с лукошком зерен на шее,
сеятель слушает,
как за холмом
зовут его к дому на полдник.
Эта живопись — стародавняя,
едва ее различишь
за пламенем пожара,
за чернотою развалин,
за ветрами, что пепел разносят,
за крепнущими зеленями
под крылом самолета,
который
сеет,
сеет
и сеет.

1963

БАЛЛАДА ОБ ОСКОЛКЕ В СЕРДЦЕ

То был не я.
Нет, то был не я...
Горячий снег
Белел, как простыня,
Глаза слепила
Колкая пороша,
Пехота зарывалась в мерзлый грунт.
...Под утро
Рядовой из-под Воронежа
Был
Ранен
В грудь:
В мутном лунном свете
Разрыв снаряда
Парня подкосил.

Я через двадцать лет
Прочел в газете:
Стальной осколок
В сердце он носил
Всю жизнь мою.
Я рос,
Я кончил школу,
Под сердцем у сестры
забился сын.

А он носил,
Носил стальной осколок,
Он каждый миг
В себе его носил.
Жил человек,
Не зная, отчего
Бывают боли
В сердце у него.

... Но после операции,
В бреду,
Он снова оказался там,
В аду,
Где от разрывов
Дыбилась земля,
В аду,
Где снег белел, как простыня,
Где била косо
Колкая пороша,
Пехота зарывалась в мерзлый грунт,
В аду,
Где рядовой из-под Воронежа
Был
Ранен
В грудь...
Вставал больной рассвет,
Горячей простыня была, как снег.

И это был не я,
не я,
не я,
Но тот осколок
В сердце у меня

С тех пор, как я
Под чей-то тихий стон
С осколком в сердце
Был в ту ночь рожден.

1963

ОДНОПОЛЧАНИНУ

Поговорим как бывшие солдаты,
Зачем скрывать, что было и что есть.
Служили мы в одном полку когда-то,
Одним знаменам отдавали честь.

Дорога фронтовая... Временами
Во сне глухом вдруг наплывет она;
Пылало небо пламенем над нами,
Из всех дорог такой была одна.

Да, часто смерть у нас в пути стояла
И скалилась, грозя своей косой.
Вся жизнь порою, с самого начала,
В единый миг мелькала предо мной.

Как жить хотелось, как хотелось снова
Дождаться дня — творить и созидать.
Я твердо верю, это и спасло нас
И помогло в сраженьях устоять.

Взошла заря, полсвета опоясав.
И мы пришли с победою домой.
Но мне сейчас до боли стало ясно,
Что ты не прежний воин, ты — другой.

Глаза погасли и лицо угрюмо.
Ты весь поник под ношею забот.
Друг, вспомни фронт и яростные думы,
Что нас влекли безудержно вперед.

Мечтали мы о мирных днях: работа,
Кузнечный жар и запахи земли.
Вот мир настал, а ты все ждешь чего-то.
Ведь эти руки многое могли.

Нет, ты не прав, тогда зачем же гибли,
И побеждали наши на века?
В борьбе мы радость терпкую постигли,
Пусть, как руда, та радость глубока.

И долг наш перед павшими — трудиться
И в борозде покрепче плуг держать,
Чтобы могла родимая землица
Из года в год пышнее расцветать.

1963

ТЕХУМАРДИ[1]

Пыльная лента дороги.
Море вдали синеет.
Тишь. Можжевельник. Песок.
Кровью краснеет гвоздика.
Техумарди.

Плиты рядами. Мрамор.
Сколько имен родимых.
Птица летает, словно
чье-то воспоминанье.
Техумарди.

Солнце палит сильнее.
Свежих цветов охапка
в банке стоит с водою.
Грани стекла сверкают.
Техумарди.

Стынут слова. Безмолвье.
Слушаю я в печали,
как сааремаский мрамор
речи молчит простые.
Техумарди.

---

[1] Ночной бой под Техумарди (остров Сааремаа) — один из самых ожесточенных боев во время освобождения Советской Эстонии от гитлеровских оккупантов в 1944 году.

Пыльная лента дороги.
Море вдали синеет.
Тишь. Можжевельник. Песок.
Кровью краснеет гвоздика.
Техумарди.

1960

МОИ ЭТО ГОДЫ

Фронтовым друзьям

Грохот грозовый. И угля черней
Таллинский рейд,
весь окутанный ливнем...
Палуба судна. И сотни парней,
Ночью июльской плывущих к войне.
Вижу вас, парни.
Во мне
память о вас не погибнет.
Путь поколенья — с него не свернуть.
Мои это годы. Мой это путь.

Вижу ученья в жарище степной —
Роют окопы, где выжжены злаки.
Вижу, как слякотью катится бой,
Пули смертельные в первой атаке.

Вижу, по склонам зеленым ползут,
Жадными ртами припали к Нарове...
Знамя над Германом Длинным я вижу.
Ветры родимые знамя колышут.
С грязной щеки утирая слезу,
Вдруг улыбается воин суровый.
Путь поколенья — с него не свернуть.
Мои это годы — мой это путь.

Вечер над поймой спустился в глуши,
Вижу, лесною идете дорогой.
Все здесь до боли свое, и пути
вам осталось немного.
Кровля, очаг и тепло для души...
Свет из окна. Вы уже на пороге...
Треск автомата вдруг вечер прошиб.
В небе застыли тревожные звезды.
Вижу, бессмысленно ловите воздух,
Валитесь в грязь, подгибая колени...
В лес убегают две тучные тени.

Нет, никогда не забыть мне тех дней,
Под гимнастеркой солдатской моей
Сердце не станет стучаться смиренней.
Мои это годы. Мой это путь.
Путь поколенья. С него не свернуть.

1957

*

Паутинок воздушный полет,
Дымка в небе — земли дуновенье.
Мечтаний неясных полет.
Мыслей зрелых возникновенье.

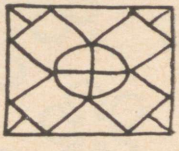
Крытых мхом куполов города.
Камень серый.
Шиповник алеет.
Тишина. И вдали города
Надеждой растут и светлеют.

Иглы сосен в прозрачной росе,
Недвижимые лиственниц кроны.
В каждой капле — галактики все
И стихов миллионы.

Капли капают с дерев,
Листья сыплются в рощах.
Над согнувшимся лесом — рев:
Реактивный бомбардировщик.

Вновь вдыхает земля тишину,
Расправляется бестревожно.
Ревом можно спасти тишину.
Тишиной — невозможно.

1962



Пусть крепнет новое, отжившее погибнет!
Еще тесней союз поэзии ц правды.

(Р. ПАРВЕ)

ДИАЛЕКТИКА

Увидеть мир таким, какой он есть,
и все-таки любить бытье земное —
не в том ли счастья несказанный дар
и тягость несказанная не в том ли?

Чтоб видеть, надо зренье воспитать
пытливым, смелым и проникновенным.
Не каждому на благо острый взор,
иль каждому, но в разной мере.

Покровы с истин совлечет иной
и, оптику призвав себе на помощь,
увидит все, в отчаянье замрет
и от любви трусливо отречется.

Любовь слепа. Кто это произнес?
И по какому праву? Он клевещет!
Ведь я люблю и, значит, вижу я,
и взор мой безошибочен и верен.

Увидеть мир, увидеть без прикрас
и все-таки любить бытье земное,
в том наша боль и муки непокоя,
и счастья несказанный час.

1957

ИСПЫТАНИЕ

Нахлынул мрак, безглазый и безликий,
И все бесследно утонуло в нем —
И голоса, и огоньки, и блики,
Ни звезд, ни месяца в окне моем.

Но там к стеклу оскал прижался дикий,
И шепот смерти слышится: — Пойдем!
Кому ты нужен? Ни божба, ни крики
Помочь не могут: ночь не станет днем...

Но не склонил он голову смиренно,
Боролся с грозной участью, как те,
Кто истину искал самозабвенно.

Они и в непроглядной темноте
Умели путь отыскивать вслепую
И пробиваться к цели напрямую.

1957

РАСПРЯМИСЬ!

Земли бесплодные,
мало доходные:
хлеба здесь недород,
сена не густо,
песенки грустные
осинки поют из года в год.
Здесь неизбежно
тают надежды.
Остается лишь круг забот.
Даль незаметно
стала бесцветной.
Повседневность все ниже гнет.

Взял ты в заведомо
глупой комедии
роль — солгать о земле своей.
Слушай, ответь-ка мне:
долго ли скептиком
будешь? Встань. Распрямись! Скорей!

Земли бесплодные,
мало пригодные,
если в мыслях ленивая тишь.
Стань обязательно
добрым хозяином, —
пищу для сердца и тела взрастишь!

1962

ПЕСНЯ О СИЛЬНОМ ВЕТРЕ

Я комнату свою покинул
В промозглом мрачном декабре.
Я комнату свою покинул,
Дул сильный ветер на дворе.

Деревья заломили руки,
Хранимые землей своей,
И в пляске гибельной кружилось
Все, не имевшее корней.

Пугливо облака бежали,
И воздух грохотал трубой,
И только мужичок из жести
Плясал на крыше танец свой.

Сказал он: «Что же ты, приятель!
Я мудр и с ветром заодно.
Подует с запада, с востока,
Я с ним, мне это все равно.

Кручусь, верчусь без остановки.
Друг юный, подражая мне,
Сумеешь высоко забраться,
Свободен от забот вполне».

Но я шагал своей дорогой,
Совету умному не вняв.
Лицо хлестали дождь и ветер,
Злой бури я изведал нрав.

Я вышел на вершину счастья,
Стихии усмиряя бег,
Затем, что ветру не подвластен,
Не флюгер я, а человек.

1957

РОДИНЕ

Ты — древо жизни.
Ты в ветвях несешь
и сладкие,
и горькие плоды.
Ты полнокровной
радостью цветешь,
но иногда
неслышно плачешь ты.
Ты и для тех,
кто заплутал в лесу,
не может долго
выйти на дорогу,
ветвями солнце
держишь на весу,
и светишь,
и не судишь слишком строго.
И никого
не отторгаешь ты.
Твоя любовь
возносится высоко,
она врачует горькие плоды
и наливает их
здоровым соком.

1958

ИСПОВЕДЬ

Есть в жизни разлука,
которая горше полыни;
ложится мне на плечи
бремя растраченных зим.
Ты, Родина, помнишь
о много скитавшемся сыне,
ты блудного сына
опять называешь своим.

Когда-то со мной
ты делила последнюю корку;
я помню, как дождь
моросил, заслоняя корму.
На мокром причале,
в дыму, от печали прогорклом,
с тобой я простился
два десятилетья тому.

Тогда не грустил я,
тогда не страшился разлуки, —
беда ли, что где-то
остались родные края?!
Что было моим достояньем?
Лишь голые руки
да крепкая воля,
слепая решимость моя!

И я полетел,
полетел беззаботно, как птица;
прекрасные планы
роились в душе у меня.
Далекие страны...
Легко ли до них дотащиться,
на собственной шкуре
изведал по-своему я.

Шагал бесконечно,
да так, что взмокал мой загривок!
В заплечном мешке
тяжеленное бремя судьбы!
Я был землекопом
и канализатором в Рио,
кофейные в Сантосе
в трюм набивал я бобы.
Я знал небоскребных
ночных городов неуемность,
я видел лагуны
и пальмы над желтым песком.
Но именно там
я узнал, что такое бездомность
и что это значит —
быть в мире чужим чужаком!

А потные дни
потянулись чредою недужной,
бессонная ночь
возникала из хворого дня, —
и годы войны
рокотали: ненужный, ненужный...
и время отчизны
вполне обошлось без меня.

Вернуться хотел,
а вокруг пожимали плечами,
желанье мое
почитая запретным и впредь.
Но мужество встало
на смену бесплодной печали.
Остаться скитальцем?
Нет, лучше в пути умереть!

Отчизна родная,
нет, я не прошу утешенья,
ведь я возвратился,
ступил на родимый порог,
но тягостно мне,
что в суровые годы решенья
с тобою я не был,
тебе я ничем не помог!

Что я не шагал
в истребительном батальоне
в то страшное лето...
...Меня мое сердце стыдит,
что не был парторгом
в глубинном и трудном районе
в те дни, как из зарослей
лез оголтелый бандит,
последний бандит
с автоматом немецким на шее...
...Руин не сносил я,
стены не возвел ни одной, —
но ты обошлась без меня,
и теперь,
хорошея,
меня попрекать

ты не станешь
былою виной.

Пусть юность моя
на проклятой чужбине осталась, —
есть сила в руках,
ты услышишь меня и простишь.
Я выполню все,
отметая былую усталость,
я сделаю все,
все, что, Родина,
ты повелишь!

1959

МНЕ КАЗАЛОСЬ

Мне казалось, что в море каждом
Голубая вода бежит.
Мне казалось, что в сердце каждом
Золотое зерно лежит.

И что, в море отчалив, нужно
К ветру выставить паруса,
И сквозь горе-печали нужно
Верить искренне в чудеса.

Окунала весло, другое —
До сих пор на воде кольцо.
Берег неба и дно морское
Наплывали звездой в лицо.

Я узнала, что редко-редко
В море пламенем синева,
Что пусты, как без птицы клетка,
Часто-часто сердца, слова.

Я видала края, в которых
Только пыль и песок пустой,
Я видала людей, в которых
Нет ни крошечки золотой.

Все равно в этой жизни стоит
Заблуждаться и весла гнуть,
Чтоб на семечко золотое
Влажным глазом своим взглянуть.

В небе сером, как пыль дороги,
Вдруг — мазок синевы густой.
Всех соблазнов земных дороже
Сердце с капелькой золотой.

1958

ЖИЗНЬ

Песен, радости в работе!
Мир лежит обширным полем,
аркой
вскинут небосвод.
И в скитаниях, и в ветре, в каждой птице,
каждой ветке,
в спелых зернах наше счастье
бьется, дышит и поет.

1945

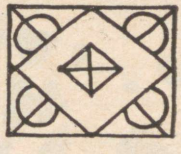
ЗНАЮ Я, ЧТО ДЕРЖУ ОТВЕТ

Я не лист, что от ветки оторван родной
И по ветру уносится в дали.
Нет, глубокие корни с отцовской землей
Жизнь мою неразрывно связали.

Завещали мне прадеды силу свою,
Словно дерево старое — почке.
Боль и радость, что сердцем большим узнаю, —
То не радость и боль одиночки.

Знаю я, что держу перед всеми ответ,
Кто до нас населял эту землю;
Знаю я, что держу перед всеми ответ,
Кто от нас ее после приемлет.

1956



. . . Люблю я такие песни,
чтоб эхо во всех уголках земли
звенело от них в поднебесье.

(Д. ВААРАНДИ)

ВЕСНОЙ

Природе весна объявила парад,
Все в солнце, все в шуме, цветенье.
И тянется ветками к солнцу мой сад,
Теплом обогретый весенним.

Я помню, как в августе, страдной порой,
Из Тарту в колхоз на работу
Приехала. Помню, как сад молодой
Моим поручили заботам.

Забот с ним по горло: бывало не раз
Гусениц мы изводили,
А зайцев-вражин привлекала кора —
Они ее грызть приходили.

Весной же ночные пришли холода —
Ты это, наверное, помнишь.
Всю ночь жгла костры я, и ты был тогда
Колхозом мне прислан на помощь.

Растрепаны волосы, в саже — нос,
Руки в земле, — я ругалась,
Все шутки твои принимая всерьез.
Так наша любовь начиналась.

Деревья спасли мы. И вот я стою,
Любуясь молоденьким садом.
Вид яблонь в цвету — за работу мою
Мне кажется лучшей наградой.

И слышу, как трактор на поле гудит —
Ты правишь им твердой рукою.
И знаю наверно, что в мыслях твоих
Я близко, я рядом с тобою.

Когда же окончится день трудовой,
Я вновь повстречаюсь с тобою.
Мы вместе на лодке вечерней порой
На озеро съездим лесное.

Луч солнца давно за лесами угас,
Спит озеро, берег темный...
Едины и думы и чувства у нас —
В прекрасное время живем мы!

21—22 апреля 1952 года

ПРИЗЫВ

Солнце станет капелью позванивать,
Сосульку слепит спросонок —
Тут меня и начнет заманивать
Непоседы-души чертенок.

Он задорный в глазах зажжет огонек,
Будто банный лист он пристанет:
Что сидишь в комнатушке, словно сурок,
Киснешь, как молоко в стакане?!

Хватит в Таллине зря бумагу марать
И на копоть коситься хмуро —
Лучше взглянем, как выйдет весна бушевать,
С рек сползет ледяная шкура.

Ты мнишь себя важным, в президиум сев. —
Только с этого книг не прибудет.
Ты о жатве мечтаешь, но где же посев?
Так и хлебу не быть на блюде!

Или азбучной истины больше нет?
Душу ею и ты прочисти:
Ни реальный пейзаж, ни доярки портрет
Не высасывают из кисти.

День-деньской торчишь на собраниях;
Что ж ночами вымучишь дома,
Кроме рифм, перепетых ранее,
Кроме мыслей, давно знакомых?

Жизнь на мелочи расфасована,
Нет для творчества дня свободного.
В результате — горсть лакированной
Шелухи без зерна съедобного.

И моришь читателя скукою,
Стертой фразою усыпляешь;
Чем он дышит, что — в сердце мукою,
Как смеется — плохо ты знаешь.

Бой ведут коммунизма строители
Напряженно днями, ночами.
Ну а если т е б е, словно зрителю,
Будут вслед пожимать плечами?

Ведь твое достоинство видит народ
Только в книге — твоем творении.
Все для книги! И то, что преградой встает,
Прочь с дороги, без сожаления!

Душу народа, поэт, познай
И труд твоего поколения;
Все силы свои без остатка отдай
Творческому горению.

Рассказы иль драмы ковать ты мастак,
Иль служишь стихом отчизне, —
Ступай-ка, походный вскинув рюкзак,
В гущу жизни!

1954. Ранняя весна

ПЕСНЯ ОБ АРЬЕРГАРДЕ

Я знаю, что глядеть в грядущее
Должны мы, идеал храня,
Что истинный предмет искусства —
Зародыш завтрашнего дня.

Иду землею беспокойной
За путеводною звездой.
Все доброе и все большое
Мне дорого в стране родной.

Но и рисуя счастья график,
Я все ж не отверну лица
От гражданина, что несчастлив
Иль счастлив, но не до конца.

Не глух я к жалобам предместий,
К заботам малым оттого,
Что самый малый человечек —
Дитя народа своего.

Кто в кресле, словно бы на троне,
Сидит, застыв, как монумент,
Тот пожимать плечами может:
«Отсталый, дескать, элемент».

Я знаю, что они отстали —
Обоз едва себя влачит.
Горды поэты в авангарде —
Разведчики и трубачи.

О, славный генерал из штаба,
Цель впереди, рассчитан срок...
Но изредка назад поглядывай,
Как арьергард от нас далек!

Беда, коли в бою отрезан,
До пораженья полшага.
Все оценить пора бы трезво.
Смешно потом винить врага.

Враг — враг и есть. И битва — битва.
Иная точка зренья — ложь.
Ошибки наши — есть ошибки,
И тут от правды не уйдешь!

1956

ГЛАЗА ПОЭТА

(к 1100-летию со дня рождения Абуабдулла Рудаки)

Время — конь неудержимый,
Оседлай, поди ты...
Преходящее — песками
Под копыта.

Тыщу лет пустыня видит
Странника слепого.
След слепца в песках не сгинет —
Песни слово.

Вихри рыжие пустыни
Заметают царства.
Где вы гордых Саманидов
Государства?

Под глубокими песками
Годы схоронили
Тех эмиров, что поэта
Ослепили.

Палача, что выжег очи
Подло и умело,
Чтобы зрению поэта
Положить пределы.

Верно, думали, спасают
Царство от обиды.
Но певец — он и безглазый —
Ясно видел.

Обонял и кровь, и розы.
Ведал соль от пота.
Ел ячменную лепешку
Доброхота.

Раны он лечил людские.
Шел сквозь дни и ночи.
Пел любовь. И калифату
Гибель прочил.

Гибли царства, пали кони...
Седла, троны — в хламе.
Преходящее исчезло
Под песками.

Но остался след в пустыне —
Вечно слово,
Сохранила нам былое
Песнь слепого.

Ты же зрячий, модный странник,
Скепсисом иссушен,
Стой! Смотри благоговейно!
Слушай!

1958

БЕРЕГОВАЯ ЛАСТОЧКА

Летят в обнимку
Волна с волной.
Отвесный берег —
Стена стеной.

На гребне этом,
Как на крыле,
Продуто ветром
Гнездо во мгле.

Гнездо, жилище,
Птенцы снуют,
Поют и свищут,
Едят и пьют.

Зеленый, вечный
Поток внизу,
Как мех кузнечный,
Гудит в грозу.

Стальные крылья
И грудь снежком...
Одним усильем,
Одним прыжком

Взлетаешь в небо
Над головой,
Крылатый странник
Береговой.

Комочек сердца
И два крыла,
Пустынный берег,
Морская мгла.

Зачем жилище
Свила вдали
От нежной, южной,
Иной земли

И беззаветно,
С таким трудом
На схлесте ветров
Слепила дом?

А там, на юге,
В тиши полей,
Твои подруги —
Им веселей,

Листва да ельник
Над головой.
А ты — отшельник
Береговой.

Комочек сердца
И два крыла,
И грудь, как пена,
Белым-бела.

Чугунный молот,
Морской обвал,
Утес расколот —
И наповал.

Но все как было:
Гнездо — гнездом.
Какая сила
Спасла твой дом?

*

Ласточка сизая,
Береговая,
Крылья раскинула
И полетела,
Грудью коснулась
Волны оголтелой,
Грудью, как пена,
Пушистой и белой.

Что ей хотелось
Крикнуть-чирикнуть
Голосом странным,
Птичьим, гортанным?
«Я находила
Траву весной,
Я разводила
Глину слюной,
Я прилепила
К родине милой,
К ветру и камню
Свой домик смешной.
Травинку с травинкой,

Листик с листком,
Как сеятель в поле,
Рыбак на просторе
Морском...»

Буря дышит,
Гнездо колышет
И, завывая,
Швыряет в море.
Ласточка сизая,
Береговая,
Куда подашься?
Умрешь от горя?

«Вернусь, как прежде,
Вернусь в надежде
На то, что крылья
Мои сильны.
Слеплю весною
Гнездо слюною
На схлесте ветра
И злой волны.
И голый берег,
Мой дом родимый,
Один-единый,
Один — не два,
Люблю любовью
Непобедимой
И не покину,
Пока жива».

1957

СПУТНИКИ ВЕТРА

Долго для вас уже длится
Время и вздохов и болей.
Быть может, пора удивиться —
Зачем? Для чего? И доколе?

На радость держателям акций,
Владельцам усадеб
На радость...
О, ветра спутник,
Отчаянно-грустный,
Ты с ними ли хочешь скитаться?
Тащить их телегу попутно,
Дорогу в болото измерить,
Надеяться? Мучиться? Верить?

Мысль в тупике безнадежных исканий:
Бездушье,
безродность —
отечества нету.
И слякоть на сердце,
тоска и удушье.
К чему же фиглярство пустых начинаний
И споры с судьбою, подобной скелету.
Судьба наточила косу на рассвете,
И смерть обещает пронзительный ветер.

Как вы обездолены, как одиноки!
Оборваны нити,
Отрезаны сроки.
Вы всеми забыты,
Обманами сыты,
Слезами умыты,
Затолканы, биты.
И есть ли дорога
К родному порогу?

Осыпана Рутья ночная цветами
(Вас смыло штормами седыми оттуда),
Я вам не попутчик. Не плачу я с вами.
И все-таки вас я никак не забуду.

Не тех, кто, оскалясь и делом и словом,
Вцепиться клыками
Нам в горло готовы.
А тех, кто тихонько пришли б вечерами.
И в поле, окутанном синею сонью,
Ласкали колосья шершавой ладонью.
Кто ставит мережи,
Кто хочет водицы источников свежих,
Кто слышит, как волны стучат в побережье.
Довольно скитаний по миру чужому!
Я сам бы привел вас к родимому дому.
А если б, робея, шагали неловко,
Я б даже понес вас землею отцовской,
О, ветра спутники,
Отчаянно-грустные.

1956

ЛЕЧУ НАД САРЕМАА

В звучанье нежно-сером, как зима,
В твоем звучанье, зимнем и суровом,
Есть что-то, что ни музыкой, ни словом
Не воспроизвести:
Сааремаа!
Сааремаа!
Знакомый очерк твой
Смягчен завесой утреннего дыма,
Но резкость полосы береговой
Сквозь облака седые различима.
И как нераспустившийся бутон
Морской земли, захлестнутый волнами,
Ты на волнах качаешься под нами,
Солоноватой влагой напоен.
Полями можжевельник мельтешит,
То свет на нем колеблется, то тени,
Проселочных дорог хитросплетенье
И клочья пены у прибрежных плит.
И ветры, ветры, запахом которых
Я надышаться так и не смогла,
В них все: и соль, и терпкая смола,
Ночных лесов и сновидений шорох.
Как духи бурь, воображенье раня,
Они врывались в детство напролом,
И крики птиц, как смутные желанья,
И жажда странствий, бьющая крылом.

Ведь и сейчас на острове все чаще,
Смешную шейку вытянув слегка,
Следит дитя за точкою гудящей,
Во все глаза уставясь в облака.
И вдруг, тревогой тайною томимо,
Срывается с порога во всю прыть, —
И время мимо, и пространство мимо,
И не сдержать уже, не воротить.
И над Сааремаа, как на весу,
Верша полет просторами вселенной,
Всю родину сейчас в себе несу
И этот остров, обведенный пеной.
И если даже к небесам небес
Рванусь однажды в мир созвездий горний,
Мне из Сааремаа не вырвать корни —
Могуч и вечен мой противовес.

1959

ПЕРВЫЙ ШАГ

14 сентября 1959 года

В зените всех событий на планете
Сияет день волнений и тревог.
Тот день, когда искристый след ракеты
Крутым мостом в грядущее пролег.

У сыновей дерзанья и науки
Немало впереди межзвездных трасс,
Но будут наши правнуки и внуки
Оглядываться с завистью на нас.

Они познают звездные движенья,
Как знаем мы троллейбусный маршрут,
Но каждого из предков
С уваженьем
Великим пионером назовут.

Лишь только б предок тот
С мечтой о чуде
В одном из уголков родной земли
Дышал тогда, когда впервые люди
Космические крылья обрели.

Вошедшие в пространство мировое
Великой Неизвестности тропой,
Радушно встретят первого героя
Крестьянский серп и молот трудовой.

ЧУВАШСКОЙ ЖЕНЩИНЕ

У одной матери была долгая забота.
Матери другие
Ей завидовали,
Но без обиды ведь!

Мать из-под ладони смотрела на небо,
В небе разглядела журавля в полете.
Больше там, у солнца, никого не было.

У одной матери была долгая забота.

На телеэкране увидела сына
(Небритый, усталый — на каких он высотах!),
И внезапно мама горько загрустила,
И для слез в глазницах места не хватило.

У одной матери была долгая забота.

Все другие матери —
Близкие и далекие —
Самое хорошее
Счастье ей сулили.
Звезды высокие
Дружески ей светили.
И чуть легче стала ноша.

Долгий срок наконец исполнился.
Имя сына нашей матери
Пронесло волнами
Над материками.
Звезды в ясном огне были —
Сын вернулся с неба!

Только теперь возрадовалась
Женщина Чувашии,
Лишь теперь понятно ей,
Как (и без обиды ведь)
Все другие матери
Ей могли завидовать.

Было ярким дня сияние,
Только счастья матери
Ему не удалось пересиять.
Сколько силы надо было матери,
Чтобы руки были в состоянии —
Сердце, выпрыгнуть готовое,
Удержать.
Радости ее и гордости
Неисчислимы россыпи —
И ни с кем не жалко ей счастье разделить.
Имя нашей Родины
Сын пронес по космосу
Под сердцебиение
Матерей земли.

1962

ПОХОРОНЫ В АНТАРКТИКЕ

Памяти моих товарищей,
погибших в Антарктике

Здесь трубная медь не скорбит об усопших,
здесь трубы метельные в снежной мгле
гудят заунывно на белых сопках,
на мертвой и мерзлой ничьей земле.

Стоим в тулупах, унтах и варежках
среди антарктических льдов и скал...
Я знал, что значит терять товарища,
но что это значит здесь — не знал.

На короткой волне вчера мы
передали радиограмму
о беде нежданной такой:
«На станции Комсомольская
аэролог погиб молодой...»
Торопливая азбука Морзе,
словно кровь стучит воспаленная,
а короткие волны бегут...
— Кто там? — женщина сонно спросит
и откроет дверь, удивленная,
разорвет бандероль, и тут...

Сани с гробом стоят за трактором,
и в миг молчания, долгий, как час,
буран выступает первым оратором.

Он кричит нам:
«Мой материк не про вас!
Ледяные барьеры и море Девиса
четверых сгубили из ваших людей.
Роберт Скотт на удачу, как вы, надеялся,
но уснул в ледяной постели моей.

Шлите в тропики юных и смелых —
там жаркое солнце и джунгли, а тут
материк суставов окоченелых,
даже лишайники здесь не растут».

Но с упрямством в глазах печальных
поднял голову наш начальник.
Рослый, крепкий, широкоплечий,
от мороза щеки горят...
А голос в начале речи
прерывист и глуховат.

«Наш коллега погиб, наш друг,
вдали от родной страны...
Нелегко нам, но тяжкий труд
довести до конца мы должны.
Антарктика — не отчий дом,
тут случается жизнью платиться,
но мы здесь, и мы не уйдем.
Мы советская экспедиция.
Шестимесячная, метельная
ночь придет на полярный круг...
Мы с пути не свернем, мы сделаем
все, что сделать хотел наш друг.
В этом — гибели наш ответ,
в этом память о смерти трагической.

Он навеки оставил след
в белой хронике антарктической...»

Сани плывут, кумачом обшитые,
а мы идем по колени в снегу...
Как темен мир сквозь очки защитные,
как печальны мысли в пургу!

Были и молодость, и горенье,
и любовь, и счастье — всего не счесть...
К берегу Правды идем, к морене —
вырублена могила здесь.

Гравий и лед застучали гулко
в крышку гроба, как в барабан.
Смерть со звоном замок замкнула
и вечную память запел буран.

Салют из шести двустволок.
Мы снимаем ушанки.
На мгновенье белые айсберги
в чернеющем море Девиса
обагряет кровавый закат.
Что же? И все?
И все.

И все. И холм почти незаметен.
Но выигрыш Антарктиды — мираж.
Над этой мореной склонилось бессмертье,
и к нам вернулся товарищ наш.

Вернулся, чтоб выиграть бой неравный
там, где до срока сраженный пал,

вернулся с нами на берег Правды,
который мой друг Кричак[1] воспевал.

Остаются нетленными в Антарктиде
мертвецы в мавзолеях своих ледяных...
Далекий потомок, могилу увидев,
прошепчет:
— Это один из них!

Мы с болью в душе прочли эту повесть —
душа и для боли дана живым...

Уже направился тракторный поезд
к Южному полюсу курсом прямым.

1960

---

[1] Оскар Григорьевич Кричак — выдающийся советский метеоролог, начальник материкового метеорологического отряда во второй и в пятой антарктических экспедициях. Погиб в Мирном в августе 1960 года.

МОСТЫ

У тебя на ладошке
Сияет осколок стекла.
В нем алмазные искры,
В нем гномик волшебный
Проснулся.
Это — небо и солнце!
Была бы стекляшка тускла,
Если б мостик лучистый
От солнышка не протянулся.

И глаза твои, мальчик,
Такой же осколок стекла,
Та же пляска лучей,
Те же искры алмазные, синие.
Это — солнышко!
Это от дружеских глаз пролегла,
Словно мостик лучистый,
Едва уловимая линия.

Камениста земля,
Из которой вы лепите дом,
На дворе с малышами
Играя на травке звенящей.
Это — ваша земля.
Это родина, мальчик!

Потом
Вы построите мост голубой
Или дом настоящий.

Это — ваша земля,
Это — ваша листва и волна.
Я не видела, мальчик мой,
Родины лучшей, чем эта.
Обязательно выстрой мосты,
Потому что она —
Только искра, лучистый осколок
Огромного света.

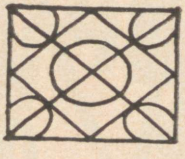
И когда полетят
Синеватые стрелы дорог,
И когда над волной
Запрокинется мост настоящий,
Станет больше друзей
И, наверное, больше тревог,
Чем когда на дворе
Ты играешь на травке звенящей.

Это было давно.
Ураган разрушал города.
Заносило дороги.
Мосты опрокинулись в реки.
И казалось бессмысленным
Что-нибудь строить тогда,
Потому что разрушилось то,
Что казалось — навеки.

Но под снежным обвалом
Земля не погибла зимой.
Ты еще убедишься,

Мой мальчик,
Осколок лучистый,
Что родная страна —
Хранилище дружбы земной.
Обязательно выстрой мосты!
Обязательно выстрой!

1957



Где-то громады тревог и горя
миру грозят, проступая в тумане.

(К. МЕРИЛААС)

ПЕСНИ ГАМЛЕТА

1

Море будто замкнуто. Отлив
Пенный след на дюнах отчертил.

Чу!.. Сквозь ветер нам не разобрать,
Кто зловеще крадется, как тать.

Сыть кругом, о друг мой, сыть кругом!
Нависают тучи потолком.

Страшно здесь. Нам чудится с тобой
Раненый ребенок сыть-травой.

Парень и девчонка заодно —
В жилах ветра жаркое вино.

Бегают и скачут босиком...
Сыть кругом, о друг мой, сыть кругом!

Брось, да перестань ты, что стонать?
Здесь нигде ребенка не видать.

Оба мы обуты. Но, позволь,
Отчего же в сердце эта боль?

Сыть-трава жестоко шелестит.
Кто навеки детство сохранит,

Кто надежде верен голубой,
Что минует туча их любовь, —

Все они сошлись на миг во мне,
Я на миг увидел их в огне.

Миг в дыму земля вертелась вспять.
Нет, не колебаться, не молчать!

Надо закричать всем существом,
Чтобы обернулось зло добром.

Сыть кругом, о друг мой, сыть кругом.
Нависают тучи потолком.

Море будто замкнуто. Отлив
Пенный след на дюнах отчертил.

2

Да, быть я должен, безусловно быть!
(Куда склонить мне голову? Ах, где найти приют?)
Из ножен колебаний и тревоги
(Куда склонить мне голову? Ах, где найти приют?)
Меч обнажу, чтоб гнусность или тупость
(Куда склонить мне голову? Ах, где найти приют?)
Мечту с душой, душой моею детской
(Куда склонить мне голову? Ах, где найти приют?),
Не утопили в тине недоверья.

Да, быть таким и все же помнить твердо:
Жизнь — не одна борьба. И помнить твердо:

То, что придет, меня намного выше
И всех врагов моих. Так жить и так же мыслить
Для всех детей, еще и не рожденных, —
От смеха их рассыплются мечи.
Так быть, так быть. И так же ясно мыслить
Для тех, чьи имена нам неизвестны.

Куда склонить мне голову? Ах, где найти приют?
Куда склонить мне голову? Ах, где найти приют?

1964

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Ночь.
Любопытный месяц все выше
карабкается, смотрит лукаво
в узкий просвет между шторами.
Ты спишь,
И луч шаловливый коснулся лба твоего
и спрятался в спутанных прядках.
Уютно и тихо.
Ты рядом со мной
и прижался так тесно,
что скоро, наверно,
плечо занемеет.
Хорошо мне разглядывать в сумраке
спокойные, сильные руки,
которым я верю.
Но вдруг застонал ты
протяжно и глухо,
словно боли ростки пробиваются в сон твой
и ты этими муками пойман.
Очень больно?
Что ты нервно пытаешься стиснуть в ладонях?
Ах —
стало замкнутым лицо твое мгновенно,
постаревшим, напряженным.
Это далекие
дни, которые должны бы замолкнуть
и навсегда затеряться

в прошлом, замаячили снова,
дни военные.
Я привыкала,
но разве привыкнешь —
видеть тебя в такие минуты!
Ты рядом со мной, а как будто
уходишь дальше и дальше.
Я чувствую, как в сумерках
мало-помалу
вся моя уверенность
растаяла, пропала.
И она растоптана на стылом асфальте.
А ты все уходишь: тебя не удержит
моя защита — объятье.
Если бы я умела
заслонить тебя от видений!
Но они неизбежны, как морские приливы.
Если бы знать, как с ними бороться!
Не знаю я, где ты.
Зов мой тебя не догонит.
Может быть, ты в разведке?
Или дорогу по ладожским льдам
защищаешь, мечтая о доме?
Знаю,
этот путь себе ты выбрал
по призыву горячего сердца.
Но минувшее — разве книга,
чтобы ты ее по желанью
мог раскрыть на любимой странице
или вовсе бросить на полку.
Нет, словно нарочно, некстати
пережитое бродит по нервам...
Я рядом с тобой,
так близко,

как миллионы жен со своими мужьями.
И многие жены знают,
каково приходится,
если ночью такие мысли.
Хочу,
чтобы из всех женщин планеты
мы были п о с л е д н и м и,
кому досталось ночами
узнать то же, что и мне,
когда тебя мучают виденья.
Я стараюсь
всеми силами вызвать тебя из кошмаров
и так отчаянно тебя поднимаю,
словно этим могу поднять, заставить проснуться всех,
чтобы каждый
стал бороться за мирные тихие города,
чтобы в будущем ночами
люди
спали всегда безмятежно.

1958

У МЕНЯ ТЯЖЕЛО НА СЕРДЦЕ

Неужели настанет когда-нибудь
это кроваво-красное,
полыхающее пламенем
утро Глобальной Войны,
когда все живое испепелится
и хлынут потоки
расплавленного песка,
когда горные пики
сорвутся с хребтов
и жалкие, словно лодчонки,
столкнутся в дымящихся волнах?

Неужели разверзнутся
подземелья законов природы
и на огненном шаре
закружатся в дикой пляске
формулы,
градусы,
цифры,
спирали
и страшную свадьбу сыграют они
с освобожденной энергией ядер?

Неужели же он — победитель —
сумевший угнаться взором
за стаями звезд
в черных просторах Вселенной,

сумевший гиганта — Солнце
пронзить невидимой осью,
не сможет проникнуть в себя самого,
чтобы постигнуть, понять и сдержать
гневом объятое сердце?

Неужели же разум людской,
словно бескрайнее ледовое поле,
настолько застыл в холоде и белизне,
что ему захотелось бесследно
растаять в пламени взрывов?
И любовь, всегда готовая к жертве,
нежная и могучая,
великая и малая —
неужели она последней слезой разлуки
окропит обломки разбитых материков?

Неужели?.. Легко говорить,
еще легче писать: «Нет, не поверю».
Но у меня тяжело на сердце...
Я за стеною слышу
дыхание сына,
спящего под голубым одеялом.

1958

ЧТО Ж ВЫ МОЛЧИТЕ, КАМНИ?

Гильдий старинных
острые крыши
в небо врезаются
клиньями рыжими.
По тротуарам,
по солнечным зайцам,
по зыбкой тени
листвы и оград,
сутулясь
под тяжестью полного ранца,
в школу торопится
детвора.

Улицы любят
ораву веселую,
всюду ребята,
почет малышам —
всюду.
Но вслушайтесь:
тут же за школою
снова —
солдатский кованый шаг.
Словно по долгим
разбитым дорогам
дети не шли
вереницей голодной,

словно не гибли они
в сугробах,
словно не мерзли
в бараках холодных.

Словно охапки
разорванных книг —
дум человеческих
свет и родник —
палачи-изуверы
не жгли кострами,
не вытаптывали сапогами.

Словно дома
никогда не зияли
слепыми глазницами
темных окон,
словно не стыли они
в печали,
бомбежкой
израненные жестоко.
Дети идут
по бульварам и скверам,
едут машины
и мягко шуршат,
а рядом,
под зычную медь
бундесвера,
грохочет,
грохочет
солдатский шаг.
Die Fahrstrasse frei!
Links! Zwei-drei!

И снова мундиры,
ряд за рядами.
Что ж вы молчите,
камни!

1961

ТАМ, ГДЕ ПОЕТ ПАСТУШИЙ РОЖОК

Где в горах рожок пастуший
в предвечерний час поет;
где тропа по склонам кружит
и багровый мак цветет;
где ручей среди каменьев
путь с горы себе нашел,
спит в земле солдат — бессменный
страж окрестных чешских сел.

Было: зарево густое
над равниной, грохот скал.
И победоносный воин —
мститель на тропе упал.
Цвет ручьев стал темным, темным.
Жадно пил альпийский луг.
Сын степей вдали от дома
выронил винтовку вдруг.

А в родной степи солдата,
над нахмуренным Днепром,
плачет девушка, закатным
освещенная огнем.
Гаснет день у кромки дальней.
Взгляды неба все острей.
Ветер западный печально,
тихо гладит щеки ей.

Где в горах рожок пастуший
в предвечерний час поет;
где тропа по склонам кружит
и багровый мак цветет;
где ручьи в проходах тесных
между серых глыб шумят, —
сторожит покой окрестных
чешских сел — ее солдат.

1956

*

В тот день, когда раскрою этюдник,
чтобы красками написать портрет Мира в мире,
я не забуду:

и ломоть хлеба с глазуньей, который мы ели
вдвоем
на лесах, забрызганных известью,
я кусал с одного конца, а ты с другого,

и еще незрячую ветку, шепчущую о первой
весенней почке,

и араба с его ослепительной белозубой улыбкой,
который сказал мне по-русски: «Здравствуй,
парень!»,

и густого аромата августовской ночи,
что вместе с ветром волною влилась
в распахнутое окно,
обнажив у девушки горячую грудь,

и увитую лозами террасу, дождика шелест в
лозах,
одну из фуг Себастьяна Баха,

и утреннюю, звучащую как тромбон, песню
фабричных гудков
под розовыми облаками,

и крохотный ночной цветок, что порою играет на
флейте,
и гнездо хохотуньи-чайки.

1962

НЕ ЗНАЮТ ДЕТИ...

Не знают дети, что такое горе.
Игра — их мир, веселый и простой,
Нужна им чайка в голубом просторе,
Зимою — санки, журавли — весной...
Но в их игре — истоки дней грядущих,
В большую жизнь отсюда путь ведет.
Все для детей: на юге — сад цветущий,
На севере — прохлада чистых вод;
Все для детей: и с морем ветра схватка,
И молния, и майской ночью гром,
И мужество, что в лагерных палатках
Приходит летом об руку с трудом.
Все для детей... Как быть иначе может?
Во имя жизни все сердца стучат.
Кто ж в нас мечту стремится уничтожить,
Кто наш тревогой наполняет взгляд?
Кто нам мешает? Тот, кто став убийцей,
Готов порвать цветущей жизни нить,
В ком человек, что к новому стремится,
Лишь злобу может пробудить.
Исполненные непреклонной воли,
Сражаемся за звонкий смех детей.
Добычей смерти стать мы не позволим
Задорной песне школьных лагерей.
И, значит, надо всем без исключенья
Держать в руках родной земли судьбу, —
Не будет там агрессору спасенья,

Где силы мира вышли на борьбу!
И пусть не знают дети наши горя,
Игра — их мир, веселый и простой,
Нужна им чайка в голубом просторе,
Зимою — санки, журавли — весной.

1958

СОВРЕМЕННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Не успела седая забота найти
безмятежную вашу страну.
И на небе ваших безоблачных снов
грозового волнения нет.

Космос ваш, город ваш, дом родительский ваш —
это лишь лицо милой матери,
склоненное над колыбелью.

Вам, росткам страны чистых зорь,
неизвестно, что может плакать и солнце,
умирать могут звезды,
город ваш может стать обгорелым полем,
где не будет ни трав, ни груди материнской, ни ветра.

Ваш сон матери берегут —
на их щеках морщинки от усталости,
в сердце морщинки от волнения.
Вы спите под красным солнцем
и тьмою ночей
двадцатого века.
На розовых пальцах двадцать ногтей,
в пеленках мелькают два глаза,
как два маленьких жадных моря,
в чьи гавани держит курс
флот будущих лет,

несущий груз любопытства,
увлеченья решительно всем.
Человек двадцатого века —
сумрачный муж,
добрый отец,
странный чудак,
что ты дашь своим детям —
очаг, вино мечтаний и хлеб
или ... страшную вечность?

Упругощекие, спящие, вы
не слышите зова материков,
произносимую клятву жизни:
каждого рожденного ждет лира,
каждого рожденного ждет корабль,
каждого рожденного ждет плуг!
Над пространствами реют
огни Доброй Надежды,
правит к берегу Великих Сообщений циклон.
Дети! Братья ваш флот снаряжают,
уходящий в море,
в открытое море.
Они, запевая, швыряют на дно
огненную молчаливую смерть,
чья тень маячит над вашей колыбелью.
Тяжко в двадцатом веке спать,
тяжко спать под смертельной тенью!

Сейчас вы еще сосчитать не можете
пальцы, свои крошечные пальцы.
Скоро вы узнаете все,
но сегодняшний зов материков
вы услышите по звукозаписи,
когда в светлом зале,

размышляя о любви и о тысячах мелочей,
будете думать:
«Как все это просто!
Каждого рожденного ждет корабль,
каждого рожденного ждет лира,
каждого рожденного ждет плуг!»

1961

Я ЗНАЮ: ЕСЛИ Б ОЖИЛИ МЕЧТЫ...

Я знаю: если б ожили мечты,
То эта бабочка вспорхнула б тоже,
Наивный очерк, мотылек барачный
На неоштукатуренной стене.

Ребенок рисовал, как все другие,
Два крылышка — больших, широких, пестрых,
И человечье — с носом, ртом, глазами —
Испуганное женское лицо.

«Я бабочки не видел никогда,
Ведь в лагеря они не залетают...»

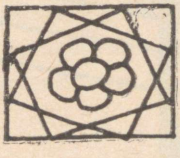
Мои стихи не обретают слов,
Они витают над твоим страданьем,
Бессильны снять с тебя хотя б частицу
Твоей беды,
Неведомый малыш!

Но этот неуклюжий мотылек —
Поэзия твоей души крылатой,
Витающей над поганью и смертью!
Твоя душа — она живет доныне
И обращает к нам свои глаза,
Печальные, тоскующие очи.

Когда навек умолкнет гул войны,
То оживет и упорхнет в забвенье
Дух, нацарапанный ручонкой детской
На неоштукатуренной стене.

Все никому не зримые печали,
Незнаемые и немые скорби,
Бегущие как реки в океан,
Однажды выплачутся навсегда
И умиротворенно уплывут
В успокоенье гордое, в забвенье,
В забвенье, а быть может — в незабвенность,
Когда навек умолкнет гул войны!

1960



Ты слышишь, как звенят напевы жизни?
Созвучий будущему ищет время.

(У. ЛАХТ)

ЛЕНИН

С благоговением одно твержу я имя,
Что и любой твердит иноплеменник,
Что и ребенок учит по складам:
Вла-ди-мир Ле-нин!
О чудо! Он меж нами, меж простыми,
Живет, доступный всем сердцам:
Гигантский образ видим, полный силы,
Где все черты полны одушевленья
И каждая резцом проведена
В граните — чтоб не стерлась ни одна!
То не фантазия, не взлет воображенья,
Когда мы чувствуем: всё бьются
эти жилы
И жизнью дышат в мыслях и делах.
Так яркий блик в эмалях, на холстах
Порой живет в течение столетий.
Где творчески раскрылся человек,
Там все, что в прошлое кометой улетело,
Хранится в свежести, порой безумно
смелой,
И времени не смыть того вовек...
Так гений среди нас живет в нетленном
свете!
Да! Узок стих мой, чтоб вместился в нем
Великий гений: слишком слабо слово,
Чтоб выразить мощь духа твоего,
Владимир Ленин,

Надежда стольких поколений!
И если б я по мрамору резцом
Твой создал образ, то и здесь бы снова
Был нужен не талант, а волшебство!..
С благоговеньем лишь могу твердить я имя,
Чтоб озаренным быть в ночном зловещем дыме!

1945

ПУТИ ДРУЖБЫ

Она не идиллия — дружба народов,
и с милой улыбкой ее не сравнить...
Как она выглядит?
Форму походов —
шинель —
на спецовку успела сменить.
Нет, не она упивалась речами,
на тосты не тратила попусту слов,
но доверяли ей однополчане
в общей борьбе
против общих врагов.
Стих и симфония, танец и песня
излюбленным стали ее языком.
Пять континентов
ей нынче известны,
мир,
как открытая книга,
знаком.
Горе и радость рабочих кварталов
ведомы ей на любой из широт.
Пусть на приемах
под пенье бокалов
вежливый тон дипломат изберет.
Не заблуждайтесь!
Она не изменит
сердцем в суровой и трезвой борьбе.
Ей доверяйтесь!

Она не изменит
преданным сердцем ни мне, ни тебе.
Облик ее всем понятен на свете,
путь ее каждый из нас узнает:
дружба в спецовке идет по планете,
поступью твердой дружба идет.

1956

КАКОЕ ЭТО ЧУДО

Какое это чудо —
жить, дышать,
ловить, распознавая чутко, запахи:
чуть горьковатый — сена,
вкусный — хлеба,
смакуя, всеми чувствами вкушать
шум леса, тишь озер.
Знать про себя, что сердце — молодцом,
и мозг, и нервы,
что можешь, как смородиновый куст,
как помидор —
смотри, какой он красный! —
у солнца брать
его тепло и краски;
что не принадлежат еще земле —
твои! —
вот эти ноги,
эти руки
формовки доброй, строгой красоты, —
все сделают,
что ни прикажешь ты.

Как нынче жить чудесно!
Удивительно!
Когда наш мозг
проник в небесный дом

и, усики антенн бесстрашно вытянув,
наощупь шарит
в бывшем доме бога;
когда —
ни тех веревок, ни кола,
что дерзкий дух держали на приколе.
...А если есть глупцы,
клеветники,
завистники, охотники до ссоры,
как невесомы
их аргументы.
Для будущего? Да!
Для улья? Да!
И в том числе для вас
Мы наполняем соты.
Мы — пионеры.
Что нам ваши выкрики!
Жизнь сами будете кроить
по нашей выкройке.

Какое счастье жить,
когда на окна
не надо накрест полосы бумажные
лепить,
когда глаза у звезд ясны
и дождь не ядовит,
не ядовит;
когда ты можешь этот сад любить
с багровыми гвоздиками,
ромашками,
и море,
свободное от смертоносных мин,
и мирный небосвод,

и человека —
вслушайся, как гордо
звучит сегодня слово Человек!

1961

СЕГОДНЯ

Солнце сегодня пей!
Ветер сегодня пей!
Везде —
на задворках даже замызганных —
весной наведен порядок.
Сегодня любое сердце новым зарядом
светлых желаний полнится.
Сегодня все ярко: краски, блики, брызги,
сегодня цветут и асфальт, и камень,
по-весеннему буйно бурливы улицы,
грохочут на стройках краны,
и веселым узором
дымы над заводами вьются.
Деревья жилистыми руками
обнимают синюю высь и город,
сверкающий сочною акварелью.
И тут же, как парадокс,
серым уступом своим заслоняя даль,
церковь стоит, тяжела словно горе,
словно невыплаканная печаль.
Клены шумят у стрельчатых окон,
а из церковных врат,
на которых старинный мастер
вырезал лики и нимбы искусной рукою,
выходят женщины чередою.
По сторонам женщины не глядят,
с весною встретясь, глаза потупляют.

Меня, озорного, завидев,
колючим взглядом сверлят
и шепчут:
«Грешник великий, не верит...»
И возводят очи горé.
А там земное, теплое небо
и пасутся стада золотых облаков-барашков.

Значит, я грешник.
Ладно, допустим, грешен
(и не в том ли мой грех,
что я появился на свет?).
Но вот вы сказали: «Не верит».
Уж это, простите, нет!
Это вздор, клевета и ложь
растерянных злых святош.
Я верю — только совсем по-иному.

Вера моя не вспоена духом божьим
и на церковную непохожа.
Я верю всем сердцем, каждым его биеньем,
верю в человека!
Я избавлен от пут религии,
и я не надену эти вериги.
Добрый смех для меня ценнее
потока благочестивых слез.
Чтоб святоши об этом знали,
я для общего обозренья
стихом утверждаю свои скрижали
и пою не протяжный священный хорал,
а наш боевой «Интернационал»!
Я — землежитель двадцатого века,
я, гражданин страны Советов,
верю в грядущее человечества,

а не в загробный блаженный край.
Славлю добротное, крепкое
хозяйство всего народа
и отвергаю затасканный рай.

Человеческий ум богатства земные создал,
и ныне, свободный от страха,
он строит корабль небывалый,
не Ноев ковчег, а корабль кораблей,
чтоб посланцы земли по Вселенной мчались,
соревнуясь с солнечными лучами.
Да здравствуют люди, которые чтут,
как благо и радость, творческий труд.
Гора их дерзаний — тыщевершинна.
Верю: в прошлое канет призрак войны,
и планета Земля, незыблемым миром увенчанная,
в сопровождении краснознаменной Луны
будет плыть по орбите извечной.

Рабочий класс, кующий железо каленое,
познал в себе силу миллиардорукую.
Ею он сокрушит рабство, войну и голода муку.
Настанет день, и каждая на земле страна,
весь мир расстанется с капитализмом,
как расстался он с веком пещерным в древние
времена.
Тесно сомкнутся руки, и в их единении
вижу я дружбы прекраснейшее проявление,
вижу рядом белых, и желтых, и черных братьев.
Дружба народов раскрыла свои объятья.
Время шагает уверенно левой,
зеленеют всходы целинных посевов.

Слушайте все, кто сегодня плетется следом
за мракобесием отживающего навеки вчера,
кто чуждается думать и жить по-новому,
слушай и ты, встреченная у церкви
унылая христианнейшая сестра!
Верю я в коммунизм, в его победу,
знаю: истиной стало слово,
нашей истиной — наше слово!
Яркою акварелью город блистает.
Идет молодежь, глаза искрятся,
в них — тоже весенняя сумятица.
С юностью в ногу шагает сегодня
страна-исполин, кипящая созиданием.
Цветут деревья, асфальт и камень,
пульс городской забился чаще,
и влиться мне хочется в день звенящий,
воспевая наше великое завтра
и огромное человеческое счастье!

1960

ДЕВУШКЕ, СТРОЯЩЕЙ ГОРОД

Я вижу тебя
Сквозь
Летящие вьюги,
Когда ты
На стройку
Идешь поутру,
Когда коченеют
Упрямые руки
На зябком,
Высотном,
Февральском ветру.
Как злится метель
Одичало и гневно,
Еще перед мартом
Бушует зима,
И все-таки
К дальнему,
Снежному небу
Растут
На просторах Отчизны
Дома.
И столько весны в них,
И столько полета,
Что сразу
Теплей

И светлее кругом!..
Когда ж
Ты на стройке
Кончаешь работу,
Зовет тебя поезд
Тревожным гудком.
И ты уезжаешь!
И ты уезжаешь
Навстречу
Своей
Беспокойной судьбе,
И ты за собой
На земле оставляешь
Построенный город,
Что дорог тебе.
В нем улицы,
Словно дороги прямые!
По улицам,
Будто летящим вперед,
Как яблоки
Светят
Огни золотые
И ветер
Веселые песни
Поет.
А ты уезжаешь
Опять в необжитый,
Заснеженный край
Не на пару недель...
Я знаю,
Коль едет на стройку

Строитель,
То вырастет город!
И стихнет метель!

1962

ОНИ БУДУТ ЖИТЬ

Стихи свои лучшие
едва ль записать я сумею,
они не терпят ни рифмы,
ни поэтических выкрутасов.

Не станет меня, а стихи будут жить
в сером дыму высоких заводских труб,
в тронутом сажей снегу рабочего поселка,
в маленькой светлой комнате,
в залатанном ватнике,
который строитель умеет носить,
как римлянин тогу.

Стихи будут жить на стройках,
где свищет сквозняк
в пустых проемах дверей
и на инее стен нацарапано:
«С новым годом!»
и «Вася — дурак».

Стихи будут жить в голосах парней:
«Эй, вира, вира!»,
в голосах огрубелых, охрипших
от северного ветра и мороза,
в шутках, что бывают порой погрубей голосов.

Стихи будут жить в песнях девушек,
что поют их глубокой ночью,
на кровати сидя в рубашке,
а рядом ворчат соседи —
дескать, им не дают покоя.

Стихи будут жить в книгах —
«Поднятая целина», «На Ангару», «Любовь Нонны»,
в книгах, кочующих по нашему общежитию.
На них много пятен от пальцев,
и нередко подчеркнуты строки.

Стихи будут жить в слезинке,
застывшей на обветренной щеке,
в раскатистом смехе
вечером у стоянки автобуса
и в чуть слышных словах
на лестничной площадке с разбитым окном.

Стихи будут жить в следах,
что тянутся между сугробами,
а к утру исчезают,
занесенные снегом.

1962

*

Когда, отдаляясь,
проходит по пашне
закат, на озимых багрово светясь,
и мне из-за леса приветливо машет, —
я думаю,
пахари-деды, о вас.
Когда от плодов
прогибаются ветви
и искрами изморозь виснет, в тот час,
когда приближается ночь незаметно, —
согбенные деды,
я помню о вас.
Когда смолкнут птицы на белых полянах,
тоска, как гроза, наплывет на меня,
а сердце к земле как магнитом потянет, —
о мужестве дедов
думаю я.

1966

ОТЦЫ И ДЕТИ

Я кошу, я поля пашу,
в дальних звездах струится воздух.
Я пашу и стада пасу —
пусть молодые летят к звездам.

Летите, парни, меня не ждите!
У меня плуг и тяжелый трактор,
и с кобылой моей, как видите,
было б в космосе трудновато.
А без них не могу я, парни,
крепко держит меня земля,
рук моих ожидают пашни —
вы летите, а мне нельзя.
Знаю толк в черноземных почвах,
резать лемехом пласт умею,
ну, а в звездах, орбитах и прочем
вы окажетесь поумнее.

Я кошу и поля пашу,
в близких звездах струится воздух.
Я пашу и стада пасу —
сыновья прилетят к звездам.

1963

ПЕСНЯ О ХОРОШЕЙ ЗАВИСТИ

Редко, в общем-то, я завидовал —
не для меня занятие.
Но порой в душе — безобидная
зависть налетом осядет.

Я отцовскими бредил тропами:
перевидал отец многое.
Ныне скрыли туманы плотные
давние эти дороги.

Думаю я: посетят однажды
(сын или внук — не иначе!)
Марс, Венеру, пройдут отважно
по Млечному наши мальчики.

Зависти этой стесняюсь немного.
Но, признаюсь, мне приятно
чувствовать в сердце на донышке легкую
зависть, любому понятную.

1960

ИНТЕРВЬЮ

О, как я завидую Мягисте Марту,
когда за штурвал своего агрегата
садится —
и пашет,
и сеет,
и вот — урожай собирает,
и вряд ли найдется на свете дурак,
что решится назвать
работу его — бесполезной.

Взгляни, как он сходит с машины,
мнет землю в ладони,
и это — как рукопожатье.
Он грязный, чудесный, красивый —
земли властелин,
царь полей,
хозяин —
он с солнцем на «ты».

И вот уже длинные синие тени —
большие куски темноты —
положили на пашню деревья.
Работе конец!
Задержись! — просит солнце. — И вместе
уйдем мы домой.
Но над крышей дымится труба — и торопит:
суп давно переспел, мясо в нем разварилось!..

Восклицательным знаком — дымок
словно вычерчен в небе вечернем.
Ой, Мягисте Март, до чего ж ты в том доме
желанен!..

Да ведь вот и земля
расставаться не хочет с тобой,
тянет, тянет тебя за подошвы —
шаги тяжелы.
Удержать тебя хочет, цепляясь за куртку,
кустарник.
Полевица и тмин
Обвились вкруг громадных сапог,
умоляя:
приляг, отдохни,
рыжеголовый хозяин!..

Но нет, не поймать в эти тонкие сети,
ушел —
и, распаренный в бане,
обливается мыльной водою в горячем тумане.
Хорошо потрудиться придется мочалке, покуда
человек станет виден...
Еще — для утехи —
шайку знобкой воды родниковой!

И — ах, с каким визгом вода
на шею кидается, гладит покатые плечи
и холодными струйками-пальцами —
вниз, вдоль спины... ах, бесстыдница!
И, как цветок, на груди
чистая благоухает рубаха.

Дымится обещанный суп,
и вот оно — блюдо
с разварившимся мясом.
Неспешно, с достинством ест
утомленный работой рабочий.

Почему не стрекочет сверчок?
Где ты, веретено? Я не слышу!
Лишь в углу телевизор гудит,
и в глазах от него мельтешенье,
он слуга, а не друг.

Так на что же настрою теперь
свою дряхлую лиру?
Со стоном
струны рвутся, когда безуспешно
пытаюсь извлечь непривычно могучие звуки,
да и спутница — Муза моя — отвернулась.

И пусть!
Мне наивный твой лепет не нужен.
Здесь мужской разговор,
прямодушный мужской разговор.

Вот что Мягисте Март мне сказал:
Красота — хорошо, правда — лучше,
красивая правда — это лучше всего.

До краев этой правдой наполнены наши бидоны,
справедливости — вот нам чего не хватало порой.

Ложь — не грязь, ложь, водой окатившись,
не смоешь,
оставляет на теле ожоги и шрамы она.

Краснобай — о работе. Рабочий — и он о работе,
но не только о ней, — и о заработке говорит.

Втулку хочешь просунуть —
сперва просверлить нужно дырку:
без рубля не начнется работа,
без работы не будет рубля.

Заработанный честно целковый
узнаешь по запаху пота.
Труд мой можно измерить футштоком
и взвесить мешком,
тем, что свалят в мои закрома.

И еще он добавил:

А если гроза разразится,
лучше выставить громоотвод,
чем махать кулаком и грозиться.

Слов пусть будет ни много, ни мало,
а сколько их нужно для дела —
служат делу слова, а не дело — словам.
Потому ты не спрашивай мнений моих
обо всем, что творится на свете,
лучше хлеба ломоть попроси — дам охотно,
а мненья свои
по советской земле
каждый день я пишу своим плугом.
Так он — Мягисте Март — говорил.
И когда он окончил,
папироса потухла.
Потянулся туман из лощин.

Март устал,
ох, устал он чертовски,
но не так, чтобы не...
Лай собак деревенских затих...
Месяц,
в прошлом участник гулянок,
рыжий месяц весенний
в окно заглянул, подмигнув.
Что взбрело тебе в голову!
Слушай, в рабочую пору...
Одеяло откинув,
задернула полог рука —
так бела и округла —
с кольцом обручальным на пальце.
Тсс!

О, как я завидую Мягисте Марту,
разумным сужденьям его,
работе,
усталости,
сну.

1963

Я ДУМАЮ О РЕВОЛЮЦИИ

Сквозь грозовые тучи века
мчится
сверкающий самолет —
мое воображение.
Туда,
в осенний Петроград,
где
под простреленными знаменами,
в солдатскую шинель одетый,
встал краснощекий новорожденный —
Октябрь семнадцатого года!

Его крестили
время,
неизбежность.

Проносясь сквозь костры галопом,
корчась в окопах стылых,
пробивая штыком и кулаком
стену
глухой ночи мира,
кормила ты верой
своего ребенка,
Россия!
Теперь, когда герои тех дней
спят под звездными монументами,
а в городах гудящих

дирижируют симфонией эпохи
башенные краны,
вкрапленные в синеву неба,
теперь,
когда по планете
шагает с томиком Ленина
широкоплечий Октябрь, —
думаю о революции,
думаю о человечестве,
вышедшем из пещеры
бесправия и темноты.

1961

Я ВИЖУ ЛЕНИНА

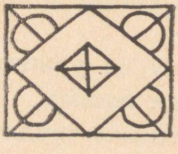
В Москве, где покоится Ленин,
ни разу я не бывала.
И все ж предо мною Ленин
не только в книгах и кинозалах.

Ленина вижу на улицах,
живого среди живых,
Ленин на стройке трудится,
заполночь пишет стих.

Знаю: январь, дым над кострами,
народ провожал Ленина.
И все же Ильич сегодня с нами
идет по тропе весенней.

Нет, не только портреты...
Ленина в людях вижу.

1965



Дебора Вааранди

ПОЧВЫ ЭСТОНИИ

Бледно-красные, желто-красные
Пробы почв глядели из-под стекла.
Срезы их нежны, как нежны людские тела,
Обнаженные и нетронутые.

Только шепотом здесь я могу говорить.
На одном дыхании вымолвлю:
Почвы Эстонии!

Как нещедро лоно бледно-красных, вот тех.
Погляди, как тощ черноземный слой —
Тоньше тонкого, как пены слой на волне.

В Мульгимаа — темнее чуть-чуть,
Вероятно, жирней в Вооремаа.
На прибрежных камнях — он и вовсе худой.

Недохватка во всем:
Влаги нет, тепла нет,
Плохо с известью, со всхожестью.
Еще хуже — с ухоженностью.

Склонив головы,
Слушают сочинители
Горькие речи эстонской почвы.

Опираемся на исполинские початки,
Золотые, как царские жезлы,
На ладонях — розовые шары репы
С бородами, свисающими до земли.

А за высокими окнами
Раскинулись до горизонта
Воспетые в песнях, оплаканные в причитаниях,
Золотые нивы земли.

О, великая чародейка,
Все-то ты превращаешь:
Удобрения и соли слез,
Проклятье гроз и ожоги бича,
Кости отцов и пепел пожарищ.
И весь пот — такой светлый.
И всю кровь — такую могучую.
Все-то ты превращаешь во что-то.

А годится ли куда-нибудь моя песня?
Можно ли сеять, не рассевая зерна?

Бывший партизан в белом халате
Со лбом от виска до виска пересеченным
морщиной,
С головой, набитой формулами,
Склоняется над пробами:
«Мало, мало! Все еще недохватка!»

1964

О ЗЕМЛЕ И НАРОДЕ

Моя земля и счастье народа,
Моя земля и заботы народа
Настолько больше
Моих печалей и радостей,
Насколько море
Больше прибоя,
Насколько поле
Больше буханки,
Насколько гуденье ветра в лесу
Больше шороха лиственной ветки,
Насколько земля
Больше округи, которую я обнимаю взором,
Насколько народ
Больше тех, кого я приветствую рукопожатьем.

Любая пара ног устанет
Топтать земные тропы.
Но народ бессмертен.
И землю похоронить нельзя.

1964

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Родившееся в боях Великого Октября первое в мире социалистическое государство отмечает в нынешнем году свою пятидесятую годовщину. В истории стран и народов полвека — сравнительно короткий период. Тем больше у нас оснований говорить о молодости Советской Эстонии — ведь «возраст» ее как социалистической республики едва превышает четверть века. А между тем какие огромные изменения произошли за эти годы, особенно если учесть, что мирное развитие экономики и культуры нашей республики было временно прервано войной и оккупацией.

Так же, как и в других областях жизни, стремительное движение вперед в условиях советского строя мы видим и в эстонской литературе, как в качественном, так и в количественном отношении.

Настоящий сборник, выходящий к юбилею Советского государства, имеет целью познакомить читателя с произведениями эстонских советских поэтов, созданными в последние десятилетия и посвященными гражданской, общественной теме.

Условность терминов, трудности точного определения границ того или иного понятия — с этим приходится часто сталкиваться в литературоведении. И если мы говорим о гражданской теме в поэзии, то имеется в виду важнейший объект советской поэзии, ее главное направление. Чувство эпохи, открывающаяся перед разными поколениями людей картина мира и ее художественное отображение, активное участие в жизни общества — все это было и остается идейным стержнем советского искусства. Искусство всегда сложно, тем более сложные требования предъявляет к художнику гражданская поэзия; значительность ее содержания достигает нужной силы

воздействия лишь в том случае, если художественно-эмоциональные средства поэзии использованы во всей их полноте и многообразии, в адекватной содержанию форме.

Начиная с исторических дней 1940 года — дней восстановления Советской власти в Эстонии, когда люди ощутили справедливость слов поэта о том, что «земля поворачивается на восток» (Ю. Сютисте), что «свежая струя влилась и в творчество певца» (Я. Кярнер), — вступившая на путь социалистического реализма эстонская поэзия за сравнительно короткий срок прошла несколько этапов развития, различных по своему содержанию и характеру.

Именно поэзия явилась тем жанром, который наиболее широко отобразил революционный перелом и занял главенствующее положение в период становления эстонской советской литературы. В основном новая поэзия того времени связана с именами таких замечательных, завоевавших широкое признание поэтов-демократов, как Юхан Сютисте, Яан Кярнер и Иоханнес Варес-Барбарус. Их жизнерадостные и волнующие стихи служили вдохновляющим примером для пришедшей тогда в литературу молодежи. То была поэзия, активно шагающая в ногу с временем, отражающая новые идеалы, новые перспективы развития.

Великая Отечественная война выдвинула совсем иные, суровые темы. В те дни, говоря словами И. Барбаруса, «для строфы был нужен металл». Поэзия росла и закалялась так же, как люди, которые черпали силы в братстве народов, любви к Родине и ненависти к врагу.

В те героические годы продолжало звучать поэтическое слово Я. Кярнера, И. Семпера, И. Барбаруса, развивался и обогащался лирический талант Марта Рауда, оружием сатиры разил врагов Аугуст Алле. В поэзию влились новые силы: Дебора Вааранди, Юхан Смуул, Ральф Парве и другие. Это был один из самых замечательных периодов развития эстонской советской гражданской поэзии. Патриотизм, дружба народов, самоотверженная борьба советских людей на фронте и в тылу, а также события далекой истории являлись тогда основными темами в творчестве эстонских поэтов.

В послевоенный период, когда в эстонской поэзии все громче начинают звучать голоса молодых авторов, пришедших в литературу в годы войны, в их стихах находят свое художественное выражение новые насущные проблемы.

О дальнейшей активизации поэзии свидетельствует большое количество сборников стихов, вышедших в послевоенные годы. Их авторы — поэты различного дарования, различных творческих индивидуальностей. Так, в 1945—1946 годах вышло около десяти новых поэтических сборников, в том числе «Под пылающим небом» Д. Вааранди, «Суровая юность» Ю. Смуула, «Не отдам оружия» А. Кааль, «Борющаяся родина» П. Руммо, «Из души бойца» Р. Парве и другие. О плодотворной работе и растущей зрелости поэтов говорят и последующие годы. Главное место в стихотворной «продукции» занимает поэма, отображающая социалистическое преобразование жизни; эту тему разрабатывают в первую очередь Ю. Смуул, Д. Вааранди, М. Рауд. Общую картину дополняют новые имена — Уно Лахт, Манивальд Кезамаа, Владимир Бээкман и другие.

Строительство социализма, новое в жизни и сознании людей, узловые вопросы международного положения и многие другие общественные проблемы постоянно находятся в центре внимания эстонских поэтов. Из произведений тех лет многие прочно вошли в фонд эстонской литературы, но немало было и таких стихов, о которых мы сейчас можем говорить лишь с точки зрения их значения для своего времени. В те годы перед писателями выдвигалось требование изображать жизнь прежде всего с благополучной, праздничной стороны, даже если повседневные факты говорили совсем о другом. Поэтому так и получилось, что в нашей поэзии, наряду с искренним и сильным гражданским чувством, внутренней убежденностью, стали проявляться тенденции к одностороннему, поверхностному изображению жизненных явлений, склонность к декларативности.

Однако эти временные факторы не могли совлечь эстонскую советскую поэзию с ее основного пути. Если мы попытаемся оценить прошлое с точки зрения поэзии сегодняшнего дня, то убедимся, что нынешняя эстонская

гражданская лирика как по серьезности тематики и глубине поэтического осмысления явлений, так и по многообразию выразительных средств стоит на качественно новой ступени и что о ее возросшей зрелости свидетельствует многое.

К концу 50-х годов эстонская гражданская поэзия в основном преодолела как тенденцию к упрощенчеству, характерную для ее раннего периода, так и более позднюю склонность к сужению тематики. Ее основой стал неуклонный подъем творческой активности народных масс, размах нашего движения вперед. Высокая требовательность как читателей, так и самих поэтов вызвала к жизни интенсивные поиски, стремление к богатству содержания, широте тематики, яркости формы. Эстонская советская поэзия — это поэзия больших мыслей и чувств, развивающаяся в направлении художественной зрелости и совершенства формы. Общественная основа поэзии расширилась, в творческих исканиях поэтов выражается стремление глубже вторгаться в жизнь, ярче отображать советскую действительность в период развернутого строительства коммунизма. Главной целью поэтов стало отобразить круг мыслей и чувств, характерных для нашего современника, думы и чаяния советского человека. Достоянием поэзии сделались также философские раздумья о взаимоотношениях общества и личности, о судьбах народа со всеми их сложными противоречиями, о значении искусства и литературы. В большей мере, чем ранее, жизнь общества раскрывается через отдельного человека, его духовный мир, его эмоции. Наряду с крупными социальными и философскими проблемами в поэзию вошло живое человеческое чувство, наряду с общественным заняло свое место и личное. Как характерную черту отметим также появление большого количества «интеллектуальных» стихов, в которых поэт исследует, анализирует явления жизни. Все это сделало советскую поэзию более богатой и разнообразной, укрепило ее связь с жизнью народа, повысило ее удельный вес в литературе.

Наиболее ярко свидетельствуют о происшедших в поэзии сдвигах новые сборники стихов, изданные в 1958—1959 годах. Это, в первую очередь, «Как бы смог ты

жить?» И. Семпера, «От кармана шинели до шикарного портфеля» У. Лахта, «Открытые ворота» Р. Парве и «Мечтатель у окна» Д. Вааранди. Эти сборники отличает четкая идейная направленность, высокий накал мысли, острое чувство современности; здесь гармонично сочетаются личное и общественное, философские раздумья и лирическая задушевность, ясность и точность слова, высокая поэтическая культура.

Снова выступают на поэтическую арену долго молчавшие талантливые мастера поэзии Керсти Мерилаас («Береговая ласточка», 1962) и Аугуст Санг («Хлеб и поцелуй», 1963). Из многочисленных поэтических дебютов надо отметить прежде всего сборник «Обогатитель угля» Яана Кросса (1958), склонного к интеллектуальной и сатирической поэзии, а также сборник «Земля полна открытий» Эллен Нийт, поэтессы интимного, лирически нежного склада.

Наше время, наша страна и народ вдохновляют поэтов, побуждая их все серьезнее, с чувством высокой ответственности использовать неисчерпаемые возможности художественного слова, чтобы все прекрасное и возвышенное, к чему мы стремимся, открылось читателю через мир чувств современного человека во всем своем многообразии и сложности. Неразрывная связь поэта с каждой гранью окружающей действительности служит основой для постоянного сочетания в его творчестве личного и общественного; при этом правда жизни и правда поэзии сближаются все теснее. Одну из благих целей современной поэзии сформулировала поэтесса К. Мерилаас: «Слов пусть будет ни много, ни мало, а сколько их нужно для дела: служат делу слова, а не дело — словам». Основное звучание придает поэзии присущее советскому человеку здоровое, уверенное чувство хозяина, широкое и свободное от рутины. Оно вмещает в себя и сомнения, и колебания, и искания, которые не всегда увенчиваются успехом, подобно тому, как не на каждый вопрос мы сразу находим нужный ответ. Поэтому нет ничего удивительного или нового в том, что порой в стихах звучат и минорные нотки. Это не признак уныния и безысходности, не аморфная «мировая скорбь». Это желание «...увидеть мир таким, какой он есть, и все-таки любить

бытье земное...» (П. Вийдинг). И в этом безостановочном, непрерывно меняющемся жизненном потоке «да, быть я должен, безусловно быть!» (П. Э. Руммо).

Тематика современной эстонской советской поэзии широка и разнообразна. Она отображает разные стороны нашей действительности, разные проявления духовной жизни народа, она способна ярче и полнее, чем прежде, осмысливать жизнь, труд и борьбу народа, глубину сдвигов и изменений в сознании людей всего мира. Для современной эстонской поэзии характерно более органичное воплощение принципов социалистического реализма в ее разносторонней художественной практике. Углубление содержания поэзии принесло с собой и повышение ее эмоциональной силы, обусловило поиски новых выразительных средств. Укажем на широкое использование свободного стиха в эстонской поэзии второй половины 50-х годов, что диктовалось, прежде всего, желанием придать гражданским стихам и философским раздумьям современное, более сильное и яркое звучание. В большинстве случаев эти внутренне оправданные поиски новой формы дали ценные результаты.

Закономерным откликом на стремительное развитие поэзии является невиданный ранее рост интереса к стихам. Об этом наглядно свидетельствуют хотя бы тиражи поэтических сборников. Если в буржуазной Эстонии стихи издавались лишь в количестве нескольких сотен экземпляров, а в послевоенные годы еще достаточно было 3000 экземпляров, то теперь тиражи в 9000 экземпляров и выше — обычное явление, и это — в республике, где всего миллион с лишним жителей. Такой многочисленной читательской аудитории эстонские поэты еще никогда не имели, никогда проблемы развития поэзии не встречали столь широкого интереса и понимания. Это вдохновляет поэтов, воспитывает в них чувство долга и ответственности, заставляет стать ближе к жизни.

Наша поэзия в целом широко и разносторонне отражает современность, процессы развития и преобразования жизни находят свой отклик в поэзии. Перемены, происшедшие в судьбе эстонского народа, в сознании людей за годы Советской власти, гигантские успехи во всех областях

жизни Советского государства, рост сил мира, демократии и социализма во всем мире, борьба против колониализма — обо всем этом говорят в своих стихах эстонские советские поэты. В их творчестве находит отражение как революционная борьба эстонского народа, так и эпизоды его борьбы и страданий в далеком историческом прошлом. В поэзии раскрывается стремление советского человека ко всему прекрасному и возвышенному, богатство его духовного мира, жизнь человеческого сердца во всем ее многообразии и сложности.

Эстонская советская поэзия использует самые разнообразные возможности эпического, лирического и сатирико-юмористического плана. Она развивает самые различные поэтические жанры — от монументальных поэм до лирических миниатюр, от баллад до басен, от оды до эпиграммы. Наряду с классическими формами применяются свободный стих и элементы народной поэзии. Умение пользоваться выразительными средствами поэзии неуклонно растет, ее художественный облик становится все многограннее и красочнее.

В наши дни продолжают творить маститые поэты И. Семпер и М. Рауд, высокого совершенства достиг щедрый талант Деборы Вааранди, зрелыми мастерами вошли в эстонскую поэзию К. Мерилаас, Б. Альвер, А. Санг. Начавшие свой творческий путь в годы войны и в послевоенный период, а ныне принадлежащие уже к среднему поколению поэты Р. Парве, У. Лахт, М. Кезамаа и другие внесли много ценного в сокровищницу эстонской поэзии. Отрадно, что пришедшее в 1960-х годах в литературу молодое поколение поэтов — современное, отличающееся своеобразным творческим обликом — успешно развивает лучшие традиции нашей поэзии и обогащает ее новыми гранями, новым содержанием и формой. То, что достигнуто молодыми поэтами — П. Э. Руммо, М. Траатом, Э. Ветемаа, Х. Руннелем и многими другими, является залогом дальнейшего успешного развития эстонской поэзии.

Настоящий сборник содержит 75 стихотворений 58 эстонских советских поэтов. Включенные в него произведения гражданской поэзии дают представление об одной

из важнейших граней нашего богатого и многообразного поэтического творчества.

При составлении настоящего сборника мы старались дать слово всем авторам, которые участвовали в формировании нашей поэзии. Этот принцип хотя и сделал работу составителя интереснее, но отнюдь не облегчил ее. Объем сборника позволял дать лишь по одному стихотворению каждого автора. Исключение сделано только в нескольких случаях для наиболее крупных поэтов. Возможно, при ином принципе отбора книга получилась бы компактнее, но в ней не было бы представлено все многообразие творческих индивидуальностей поэтов.

Некоторая условность есть и в размещении стихов и группировке их по разделам. Хотя составитель и старался придерживаться хронологической последовательности тематики отобранного материала, однако, учитывая большое разнообразие произведений, осуществить это оказалось не легко. Хотелось бы все же надеяться, что настоящий сборник даст читателю известное представление о творчестве эстонских советских авторов в области гражданской поэзии.

А. ЭЭЛЬМЯЭ

СОДЕРЖАНИЕ

Бетти Альвер. Благодарность. *Перевел Ю. Шумаков* 5

I

Март Рауд. Бессмертие. *Перевел Л. Длигач* 11
Феликс Котта. 22 апреля 1870 года. *Перевел Б. Штейн* 12
Рудольф Риммель. Утро. *Перевел А. Каныкин* . . . 14
Пауль Хааваокс. Мысли о великом Октябре. *Перевел Гр. Скульский* 15
Иоханнес Семпер. Коммунистический манифест. *Перевел П. Железнов* 19
Яан Кросс. Лишь завтра увидят наше лицо. *Перевел С. Артамонов* 21
Муйя Вээтамм. Я голоса различаю знакомые. *Перевел А. Каныкин* 24
Арви Сийг. Костры. *Перевел Гр. Скульский* 27
Ли Сеппель. Ленинградская полифония. *Перевел А. Соколов* 30
Лилли Промет. Последнее желание. *Перевел А. Соколов* 33
Яан Каплински. Привет в грядущее. *Перевел А. Соколов* 38
Уно Лахт. День летнего солнцеворота. *Перевел Л. Тоом* 41
Аугуст Алле. Родному краю. *Перевел Б. Кежун* . . 44

II

Юхан Сютисте. «Под свастикой народ объят печалью...» *Перевели Вс. Рождественский и Б. Томашевский* 49
Аугуст Алле. Держитесь, братья! *Перевел А. Ойслендер* 50

Яан Кярнер. Наша сила. *Перевел Б. Кежун* 51
Юхан Смуул. Я — комсомолец. *Перевел Л. Тоом* . . 54
Лехте Хайнсалу. Ели в Калеви-Лийва. *Перевел А. Левин* 57
Айн Каалеп. Эстонская рапсодия. *Перевел Ю. Шумаков* 59
Эрни Крустен. Огонь. *Перевел Ю. Соловьев* 62
Мария Салунди. Песня о горе-горьком. *Перевел А. Соколов* 64

III

Юхан Сютисте. Вы пришли. *Перевел Вс. Азаров* . . 71
Эрни Хийр. Дорога к дому. *Перевел Гр. Скульский* . 73
Адольф Раммо. Шлемы и штыки. *Перевел А. Соколов* 74
Оскар Круус. Кремлевская пушка. *Перевел А. Соколов* 76
Александер Сууман. «Летит самолет над полями...» *Перевел А. Соколов* 78
Пауль Эрик Руммо. Баллада об осколке в сердце. *Перевел Ю. Медведев* 80
Манивальд Кезамаа. Однополчанину. *Перевел А. Левин* 83
Мильви Сепинг. Техумарди. *Перевел А. Соколов* . . 85
Ральф Парве. Мои это годы. *Перевел Гр. Скульский.* 87
Яан Кросс. «Паутинок воздушный полет...» *Перевел Б. Слуцкий* 89

IV

Пауль Вийдинг. Диалектика. *Перевел А. Соколов* . . 95
Иоханнес Семпер. Испытание. *Перевел Л. Тоом* . . 96
Валерия Вилланди. Распрямись! *Перевел А. Каныкин* 97
Аугуст Санг. Песня о сильном ветре. *Перевел Вс. Азаров* 98
Хельо Мянд. Родине. *Перевел Б. Штейн* 100
Владимир Бээкман. Исповедь. *Перевел А. Големба* . 101
Эллен Нийт. Мне казалось. *Перевела Ю. Мориц* . . 105
Александер Антсон. Жизнь. *Перевел А. Левин* . . . 107

Минни Нурме. Знаю я, что держу ответ. *Перевела Н. Яворская* 108

V

Ильми Колла. Весной. *Перевел Б. Диомидов* 113
Пауль Руммо. Призыв. *Перевела Н. Яворская* . . . 115
Аугуст Санг. Песня об арьергарде. *Перевел Гр. Скульский* 117
Уно Лахт. Глаза поэта. *Перевел Гр. Скульский* . . 119
Керсти Мерилаас. Береговая ласточка. *Перевела Ю. Мориц* 121
Ральф Парве. Спутники ветра. *Перевел Гр. Скульский* 125
Дебора Вааранди. Лечу над Сааремаа. *Перевел А. Межиров* 127
Владимир Бээкман. Первый шаг. *Перевел В. Савельев* 129
Юта Кайдла. Чувашской женщине. *Перевел Гр. Скульский* 130
Юхан Смуул. Похороны в Антарктике. *Перевел Л. Тоом* 132
Эллен Нийт. Мосты. *Перевела Ю. Мориц* 136

VI

Пауль Эрик Руммо. Песни Гамлета. *Перевел Гр. Скульский* 143
Велли Верев. Ночные мысли. *Перевел А. Каныкин* . 146
Хельви Юриссон. У меня тяжело на сердце. *Перевел Б. Диомидов* 149
Калью Кангур. Что ж вы молчите, камни? *Перевел А. Левин* 151
Юхан Саар. Там, где поет пастуший рожок. *Перевел А. Каныкин* 154
Энн Ветемаа. «В тот день...» *Перевел А. Соколов* . 156
Хуго Ангервакс. Не знают дети... *Перевела Н. Яворская* 158
Матс Траат. Современная колыбельная. *Перевел Вс. Азаров* 160
Дебора Вааранди. Я знаю: если б ожили мечты... *Перевел А. Големба* 163

Иоханнес Барбарус. Ленин. *Перевел Г. Шенгели* . . 169
Айра Кааль. Пути дружбы. *Перевел О. Зверев* . . . 171
Иоханнес Семпер. Какое это чудо. *Перевел Ю. Гордиенко* 173
Харальд Суйслепп. Сегодня. *Перевел Б. Диомидов* . 176
Хельги Муллер. Девушке, строящей город. *Перевел А. Гусев* 180
Линда Рууд. Они будут жить. *Перевел А. Соколов* . 183
Тынис Лехтметс. «Когда, отдаляясь, проходит по пашне...» *Перевел А. Каныкин* 185
Хандо Руннель. Отцы и дети. *Перевел Р. Винонен* . 186
Венда Сыэльсепп. Песня о хорошей зависти. *Перевел А. Каныкин* 187
Керсти Мерилаас. Интервью. *Перевел Вл. Лифшиц* 188
Матс Траат. Я думаю о революции. *Перевел Ю. Медведев* : 193
Вийви Луйк. Я вижу Ленина. *Перевел А. Соколов* . 195

Дебора Вааранди. Почвы Эстонии. *Перевел Б. Слуцкий* 197
Март Рауд. О земле и народе. *Перевел Д. Самойлов* 199

А. Ээльмяэ. Послесловие. *Перевела О. Наэль* . . . 200

ПРИВЕТ В ГРЯДУЩЕЕ
Стихи эстонских поэтов

Оформление *Э. Тихеметс*

Издательство «Ээсти раамат»
Таллин, Пярнуское шоссе, 10

*

Редактор *А. Н. Соколов*
Редактор издательства *М. Кулишова*
Художественный редактор *А. Рая*
Технический редактор *О. Каземетс*
Корректор *Е. Владычина*

Сдано в набор 19 IV 1967. Подписано к печати 22 VI 1967. Формат бумаги 54 × 84,1/16. Печатных листов 13,25. По формату 60 × 92 печатных листов. 11,1. Учетно-издательских листов 6,34. МВ-04127. Тираж 2500. Заказ 2748. Типография им. Ханса Хейдемана, Тарту, Юликооли, 17/19. II.

Цена 90 коп.

7—4—5

ХЕЛЬО МЯНД
ЭЛЛЕН НИЙТ
МИННИ НУРМЕ
РАЛЬФ ПАРВЕ
ЛИЛЛИ ПРОМЕТ
АДОЛЬФ РАММО
МАРТ РАУД
РУДОЛЬФ РИММЕЛЬ
ПАУЛЬ РУММО
ПАУЛЬ ЭРИК РУММО
ХАНДО РУННЕЛЬ
ЛИНДА РУУД
ЮХАН СААР
МАРИЯ САЛУНДИ
АУГУСТ САНГ
ИОХАННЕС СЕМПЕР
МИЛЬВИ СЕПИНГ
ЛИ СЕППЕЛЬ
АРВИ СИИГ
ЮХАН СМУУЛ
ХАРАЛЬД СУЙСЛЕПП
АЛЕКСАНДЕР СУУМАН
ВЕНДА СЫЭЛЪСЕПП
ЮХАН СЮТИСТЕ
МАТС ТРААТ
ПАУЛЬ ХААВАОКС
ЛЕХТЕ ХАЙНСАЛУ
ЭРНИ ХИЙР
ХЕЛЬВИ ЮРИССОН

TÜ RAAMA
10300014

90 коп.

XIV
А-24188

